

The background of the poster is a detailed illustration of a 1930s city street. In the foreground, a man in a dark blue double-breasted suit, light blue trousers, and a checkered flat cap with goggles perched on his forehead is looking down at a smartphone. He is holding a silver briefcase in his left hand. Behind him is a silver car. In the background, there are several vintage cars, including a red one and a black Ford. People in period clothing are walking on the sidewalks. Signs for 'GAL', 'Coca-Cola', and 'FARMACIA' are visible. At the top, there is a decorative banner with the title 'НАША ТАМ' and the subtitle 'БЕГЛЕЦЫ' below it. At the bottom, the names of the main cast members and the title of the film are written in large, stylized letters.

НАША ТАМ

БЕГЛЕЦЫ

АЛЕКСАНДР АВРАМЕНКО,
ВИКТОРИЯ ГЕТТО

ВО ИМЯ
ИМПЕРИИ!

Беглецы

Александр Авраменко

Во имя Империи!

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Авраменко А. М.

Во имя Империи! / А. М. Авраменко — «Центрполиграф»,
2017 — (Беглецы)

ISBN 978-5-227-07736-3

Спокойная сытая жизнь. Проблемы остались далеко, в другом мире и на другой планете. Самые сильные. Самые умные. Самые богатые в новой жизни. Живи и радуйся. Но... Опять это проклятое «но»!.. Ты спокойно спишь в своём доме, за окном лишь пение ночных птиц да ровный свет обеих лун. А в это время где-то идёт война. Самая страшная, какую только можно представить – гражданская война, перешедшая в открытую интервенцию с геноцидом. Гибнут миллионы людей. Женщины, старики, дети. Нет пощады никому. Голод. Эпидемии. Целые губернии вымирают до последнего человека. Но почему? Что заставило население целого мира сойти с ума и погрузиться в хаос братоубийственной войны? Где скрываются ответы на вопросы? Твоя совесть не даст тебе жить в благополучии и покое, когда вокруг творится подобный кошмар. Потому что ты – русский. И твоя судьба – вновь спасти целую планету...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-07736-3

© Авраменко А. М., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Вступление	6
Глава 1	11
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Авраменко, Виктория Гетто Во имя Империи!

© Авраменко А., Гетто В., 2017

© «Центрполиграф», 2017

* * *

Вступление

Господин полковник! Нас догонят и догонят уже через пару часов. Самое большее, через два с половиной – три.

Усталый, с воспалёнными глазами человек в потёртом мундире махнул рукой:

– Значит, хватит убегать. Окапываться. Готовиться к бою.

Добавил про себя: «К последнему...»

Козырнув, адъютант поспешил к голове колонны, чтобы передать распоряжение командира. Приказ быстро облетел ряды измученных солдат, и, остановившись, люди первые пять минут отдыхали, переводя дух, затем быстро принимались за работу, словно и не было изнурительного многосуточного марша. Звенела замёрзшая земля, гулко бухали кирки и ломы, подвезённые из обоза, откалывая глыбы земли. Завизжали пилы, когда в соседнем небольшом леске заработали кашевары. Распоряжение было чётким: больше продуктов не жалеть. Умереть, но перед боем солдаты должны поесть досыта. Ни слова, ни лишних разговоров. Только мрачная решительность усталых до смерти людей, собирающихся принять свой последний бой с врагами. А впереди – неизвестность, в которую уходит большой обоз беженцев из Руси, бескрайние северные просторы тундры. Они, 16-й полк Русийской императорской армии, верные присяге и долгу, примут свой бой, став заслоном на пути тех, кто хочет уничтожить их страну, их людей.

Полковник Сван шёл вдоль быстро вырастающей линии окопов, солдаты при виде его бросали работу, вытягивались во фрунт, но офицер махал рукой, уж не приказывая, а прося выполнять работу. Все знали, что бой будет последним. Их – едва полторы тысячи измотанных непрерывными стычками и голодом бойцов. Позади – почти пять тысяч сытых, прекрасно экипированных океанских, вооружённых до зубов, а самое главное – беспощадных убийц, которые не станут брать пленных. Просто уничтожат всех, а раненых добьют после изуверских пыток для потехи.

Командир остановился возле лёгкой батареи полевых пушек. Всего четыре орудия, к которым по десять снарядов.

– Берегите огнеприпасы. Взять их нам больше неоткуда, ребята.

– Да нешто мы не понимаем, господин полковник? – ответил старый фейерверкер, командующий расчётами.

Офицеров среди артиллеристов не было. Когда их командующий предал Русию, многие из его бывших подчинённых оставили его. Поэтому и выжили. Остальных высадившиеся океанцы уничтожили... Так что за пушкарей Сван был полностью спокоен. Эти ребята будут драться до последнего. А когда кончатся снаряды, возьмутся за свои короткие карабины...

Время летело с ужасающей быстротой, начал брезжить хмурый северный рассвет, когда по жиденькой линии укреплений пронеслось:

– Обед! Обед! Обед!

Кашевары умудрились успеть сготовить еду. Отдуваясь, тащили на руках большие котлы с дымящимся супом и кашей, горячей наковой, щедро оделяя всех работающих и несущих службу. Адъютант почтительно поставил на перевёрнутый ящик из-под патронов парящий котелок, вручил чисто вымытую в снегу ложку. Сван зачерпнул, жмурясь от удовольствия, проглотил пахнущую мясом кашу. Спыхватился:

– А где мясо взяли?

Штаб-хорунжий виновато опустил глаза:

– Лошадей порезали. Всё равно тащить нечего больше.

Застыл, ожидая разноса, потому что над конями полковник трясся больше, чем над людьми. Но тот, против ожидания, на миг замер, потом снова заработал челюстями.

– Правильно. Нечего трофеи оставлять. А люди хоть напоследок наедятся досыта...

Молоденький офицер военного времени облегчённо вздохнул. Правда, про себя. Пронесло. А полковник, жуя, погрузился в свои мысли, время от времени поглядывая по сторонам. Не нравилась ему позиция. Чистое поле, продуваемое всеми ветрами. Крошечный лесок позади, в полуверсте, начисто сведённый на костры и укрепление стен окопов. Даже ему на блиндаж не хватило. Ничего страшного. Будет со всеми, в первой линии. Всё равно отступить некуда. За их спиной многотысячный обоз гражданских. Там все – мужчины, женщины, дети, старики. Аристократы и простолюдины, рабочие и крестьяне, среднее сословие и подлый люд. Но все они русийцы. Его сограждане, жители страны, которой он приносил присягу тридцать лет назад после окончания Военной императорской школы. И которой не изменял никогда. Менялись владыки государства, но полковник Сван Раттер честно исполнял свой долг, почему и не выслужил ни высоких чинов, ни больших и денежных должностей. Не любил лизать зады, не гнул спину, не наушничал на друзей и сослуживцев...

Отставил опустевший котелок, сделал из услужливо поданной ему молодым человеком кружки глоток ароматной наквы. Тепло прокатилось по жилам. Сделав ещё глоток, вытер ладонью седые усы, обратился к юному штаб-ротмистру:

– Вы откуда родом, Алей?

Парнишка, которому едва исполнилось семнадцать лет, смутился:

– Из Ырова, ваша честь. Это...

– Знаю. На востоке Руси. Небольшой город.

– Так точно, ваша честь. А вам откуда известно?

Полковник едва заметно усмехнулся:

– Офицер обязан знать свою страну не хуже, чем вероятный театр военных действий.

Парень опустил глаза. А полковник снова сделал большой глоток, прислушался к ощущениям и отставил чашку.

– Начинается.

...С треском где-то далеко лопнула ракета. Затем, спустя долгую минуту донёсся еле слышимый звук выстрела.

– Это?..

– Дозор подаёт сигнал, хорунжий. Нам пора.

Командир полка нагнулся, беря стоящую рядом с импровизированным столом пехотную винтовку Гота, стандартное оружие русской армии. Штаб-хорунжий с сожалением взглянул на недопитую накву, но раз полковник говорит, что пора, – значит, пора. Двинулся следом за широкоплечей фигурой, идущей к большому, необычной формы полевому укреплению – выдолбленный в грунте круглый окоп, в котором установлена стереотруба. Рядом – несколько солдат в касках и с короткими карабинами, массивный неуклюжий пулемёт на большом колёсном лафете.

При появлении офицеров, сидящие на обрубках брёвен и дымящие самокрутками солдаты вскочили, но полковник быстро произнёс:

– Вольно. Разрешаю курить. – Взглянул на старшего унтера, с которым был знаком с самого начала Большой войны: – Что там, Вольга?

– Дозор пытался уйти, господин полковник. Но не смог. Перехватили их. Ракета была белой. Значит, пехота с бронеходами. Видно, кавалерия в обход пошла. А может, отстала. Так что дело плохо, господин полковник.

Острый взгляд из-под неуклюжего мехового колпака в ответ.

– Думаешь, в обход пошли? На перехват обоза?

Унтер кивнул. Говорить дурное перед боем он считал плохой приметой.

– Скорее всего, они всё-таки отстали. Дорог тут нет, единственный путь тот, что пробили мы. Справа – скалы. Слева – сам видишь. Обзор на десятки вёрст. Океанцы далеко не глупы и зря гнать лошадей по целине, расходуя драгоценный корм, не станут.

– Тоже верно, ваша честь. Но кто знает, что им в голову взбредёт?

– Правильно. Но пусть двое смотрят по сторонам, и если заметят что подозрительное...

Унтер снова кивнул, скороговоркой назначив двух бойцов, ответственных за наблюдение над указанными командиром секторами.

– Идут! – раздался голос притихшего к обзорной трубе солдата, который торопливо подался назад, освобождая место.

Сван прильнул к тёплому, согретому лицом солдата окуляру, чуть подправил резкость по своим глазам. Да, это противник. Голубые с жёлтым мундиры, широкие плоские каски, длинные штыки, мрачные лица. Хороший трофей. Гонведской работы. Сколько он уже с ним? Отвлечённая мысль скользнула и исчезла без следа, когда океанцы начали быстро и ловко разворачиваться в цепи. Как же их много...

Внезапно сильный удар больно долбанул по ушам. Сван, оторвавшись от линз, увидел, как справа опадает высокий фонтан разрыва. Где-то далеко артиллерия. Значит, точно конец. Сейчас солдаты подойдут на линию прямого выстрела, пока пушкари будут давить все попытки ответного огня. Дальноточность оружия врага больше, чем у нас. Они просто не дадут стрелкам высунуться из окопов, и, подойдя, в упор закидают нас ручными бомбами. Уцелевших вырежут. Что же придумать?

С сожалением окинул взглядом чернеющую линию окопов, протянувшуюся влево и вправо. Снова грохнуло. На этот раз почти накрытие. Первый, пристрелочный снаряд ударил саженой за сто до укреплений. А теперь – на фронте это можно считать и накрытием, потому что окаймлённые жирной копотью воронки оказались буквально в метре от окопов. Повезло, что никого там не было. Впрочем, противник давно доказал, что умеет воевать. В отличие от армии Руси, заокеанские правители денег на войну никогда не жалели...

Спустя минуту на окопы обороняющихся обрушился настоящий град снарядов. Оттого что это были полевые пушки, легче не стало. Даже они разваливали наспех выдолбленные в промёрзшей земле траншеи, ранили и убивали людей. Снаряды сыпались градом. Пехотные цепи, прикрываясь штурмовыми щитами от осколков, медленно продвигались вперёд. Время от времени самые смелые высывались на мгновение, стреляли, тут же ныряя вниз и перебегая на другое место. Но ни результатов, ни того, впустую ли пропал их отчаянный порыв, никто из смельчаков не видел. Сван видел, как земля буквально кипит под пулями океанской пехоты. Впрочем, на Большой войне бывало и хуже. Это только кажется, что все погибли. Опытные солдаты спокойно ждут, когда стихнут орудия, вжавшись в крысиные норы, выдолбленные в стенках окопов, обращенных к врагу. И как только наступит тишина, покажут, на что способны...

– Ваша честь, что за нечистая сила? – Унтер тронул полковника за рукав, указывая на затянутое серыми облаками небо.

– Что там?

– А вон, гляньте. – Унтер-офицер вытянул руку, указывая направление.

Сван проследил взглядом и несколько мгновений разглядывал чёрную чёрточку, парящую в небе.

– Птица?

– Нет, ваша честь. Обратите внимание, она на месте стоит. Не летит никуда. Ни одна птица так не может.

– Тогда не знаю. Даже в мыслях ничего нет...

Между тем вражеская артиллерия резко прекратила огонь. Полковник высунулся из-за бруствера и похолодел – линия щитов была буквально в одном броске от их окопов. Но русийцы не дремали и не рассусоливали понапрасну. Через считанные секунды окопы опоясались ство-

лами винтовок, и грянули первые выстрелы, вынесшие стену дырчатых металлических пластин, обагровив снег первой кровью. Но океанцы в очередной раз доказали, что не зря считаются хорошими солдатами. Ответный их залп был силён и точен, а превосходство в живой силе едва не поставило точку над обороной русских солдат. Если бы не чудо... С низким гулом из нависших над полем боя облаков вынырнуло нечто. Огромные разлапистые механизмы скользнули с высоты. В их брюхах грязно-серого цвета раскрылись дверцы, из которых к земле устремились непонятные предметы, и через миг, едва первые из сброшенных устройств коснулись поверхности, земля вспыхнула жирным пламенем. Грунт под ногами полковника заходил ходуном, барабанные перепонки едва выдержали дикую боль, надавившую на них. Одного из солдат швырнуло на землю порывом воздуха. С воем пропели осколки, а плотные ряды нападающих исчезли в грязном чадном пламени.

– Мать богов... – зачарованно протянул унтер-офицер, не в силах оторваться от разворачивающейся перед ним картины.

Там, откуда били батареи врага, тоже бушевало всё пожирающее яростное пламя. Чёрный дым слился с облаками, и одновременно полковник слышал низкий непонятный гул, переходящий в свист. Но самое страшное, что шум раздавался сзади линии обороны.

Сван резко обернулся, и винтовка бессильно выпала из внезапно ослабевших рук – с тыла к линии укреплений неслось нечто. Широкие приплюснутые бронеходы, окрашенные в белый цвет, шевеля стволami невиданного калибра, огромного даже отсюда, с дистанции в версту, не останавливаясь ни на миг, изрыгали из своих орудий языки пламени. Высоченные столбы мёрзлой земли и пламени взлетали ввысь, разбрасывая вокруг себя куски тел, обломки техники, ошмётки непонятного происхождения.

Океанцы, кто уцелел и не потерял присутствия духа, пытались сопротивляться, ведя по механизмам огонь из своих винтовок, но бронеходы даже не замечали их жалких попыток. С лязгом и режущим уши свистом с ходу чудовищной величины машины перемахнули через окопы, словно не замечая их, и ринулись дальше. К грому пушек прибавился ужасающей частоты треск пулемётов, установленных на обтекаемых надстройках машин. Причём, что успел заметить полковник, рубчатые стволы шевелились и выбирали себе цели совершенно без участия людей, сами по себе. Неизвестные символы на башнях, знаки, непонятно что обозначающие. Кто это? Или что?! Ясно одно – это враги Океании. А значит, враг моего врага – мой друг? Поговорка не всегда верна. Иногда враг моего врага и мой враг...

Неизвестный механизм, широкий, на куда более узких гусеницах и издающий совсем другой звук, чем промчавшиеся через линию обороны бронеходы, качнувшись, замер позади их командного пункта. Адьютант смело шагнул вперёд, прикрывая собой Свана, но полковник отстранил юношу и прыжком выбрался из окопа. Остановился перед острым носом. Даже на глаз была видна невероятная мощь этой машины. Небольшая круглая башенка, переходящая в конус, из которой торчала короткоствольная пушка, превосходящая даже полевые пушки Руси, с пулемётом сбоку. Через узкие бойницы выглядывали кончики стволов винтовок с непривычными большими набалдашниками.

Звук двигателя, а ничем иным гул, издаваемый бронеходом быть не мог, резко стих, перейдя в плавное ровное урчание. Послышалось короткое шипение, и сзади вдруг показалась небольшая металлическая створка со странной формы ручкой, из-за которой вышел... Сван затаил дыхание – неизвестный был одет в совершенно незнакомую форму, поверх которой наброшен короткий жилет. На голове – простая меховая шапка-ушанка, украшенная неизвестным символом. Вопреки принятому в Руси и других странах обычаю, знаки различия были на широком отложном воротнике и матерчатых полосах, расположенных на плечах неизвестного. Пронзительные глаза зелёного цвета, приятные черты волевого лица, широкие, даже очень, плечи. Но самое главное – рост. Чужак был выше Свана, да и любого другого руса, минимум на

полторы головы. На боку – явно кобура, из которой торчала рукоятка пистоля, а не револьвера. И тоже необычной формы, словно облитая непонятным материалом.

Неизвестный сделал странный жест: приложил раскрытую ладонь с сомкнутыми пальцами к виску и произнёс с каким-то жестковатым акцентом:

– Лейтенант армии Нуварры Вовк Зван. С кем имею честь?

– Полковник Сван Раттер. Командир 16-го сводного полка Руси. Командую теми, кто остался верен долгу и присяге.

Никаких эмоций не было. Просто облегчение оттого, что его люди останутся живы, и сожаление, что его никчёмная жизнь всё ещё продолжается. Нуварра... Никогда не слышал...

– А что это такое – Нуварра? Ни разу не слышал, лейтенант? И ваше звание... Ваши машины...

Короткая усмешка на лице, затем чёткий ответ:

– Полковник, Нуварра с недавнего времени является союзником Империи Русия, и наши части прибыли в вашу страну для наведения порядка, освобождения от вторгшихся захватчиков, ну и, естественно, для возвращения власти в стране законному представителю династии Ургов.

– Слова. Всего лишь слова...

– Я понимаю ваше недоверие, полковник. Но надеюсь, императрице Аллии вы поверите?

Сван вскинул голову:

– А разве она жива?! Ведь было объявлено, что все представители царствующего рода уничтожены Советом спасения Руси!

Снова короткая усмешка:

– В нашей стране был великий писатель, который как-то сказал: «Слухи о моей смерти сильно преувеличены», полковник Раттер. Так что я могу со всей ответственностью заявить, что императрица Аллия, как и её дочери, жива и здорова. Сейчас она находится на территории Новой Руси, которую мы называем Нуварра. Ну а теперь, господин полковник, прошу...

Лейтенант, вот же непонятное звание, сделал жест в сторону своей машины.

– Нам надо побеседовать. И лучше это сделать в тепле. Сейчас подойдут тыловики, позаботятся о ваших людях.

– А беженцы?

Нуваррец махнул рукой и произнёс наполовину непонятную фразу:

– Вертолёты уже перебросили туда спасателей, так что о них найдётся кому позаботиться.

Глава 1

Я просыпаюсь и вначале не могу понять, где нахожусь, но ровное тепло рядом со мной, тёплая ладошка на груди и бархатная тяжесть на ногах подсказывают, что первое – я не один, второе – если со мной спит женщина, поскольку ориентирован я в этом вопросе нормально, значит, я в безопасности. Потому что иначе мы не спали бы так спокойно и безмятежно. Третье – поскольку рисунок потолка мне знаком, значит, я дома... Дома? Поворачиваю, чуть оторвав от подушки, голову вправо – соломенная макушка густых волос. Кто это? И тут с памяти словно кто-то срывает покров, и перед глазами мелькает всё, что происходило со мной последние три года... Вот похороны моей жены, нелепо погибшей при нападении туземцев планеты, на которую мы бежали с Земли, обнаружив проход, ведущий сюда. Я вызываюсь стать резидентом в чужом государстве на дальнем материке, в стране, удивительно напоминающей нашу царскую Россию в одна тысяча девятьсот семнадцатом году... Убийство правящего государя Руси, где я работал, собирая информацию для нашего поселения, и последовавшая за этим вакханалия переворотов всех желающих получить власть над огромной и сильной страной. Тогда ко мне пришла вдова одного из власть предержащих в поисках спасения для себя и своей дочери. Нехотя я согласился предоставить им убежище, а потом не заметил, как молодая женщина и её ребёнок вошли в мою жизнь.

Затем – очередной переворот и, как апофеоз всего, показали своё истинное лицо соседи Руси, страны Океании. Материка, расположенного по другую сторону планеты. Террор, переходящий в геноцид, пришлось уходить с немногими близкими мне людьми, преследуемыми по пятам врагами. И последний бой в древнем заброшенном поселении, когда нас спасли солдаты Новой Руси, как мы называли образованное нами на недоступном для аборигенов, в силу природных условий и технической отсталости, материке государство беглецов с Земли.

И вот я дома, а рядом со мной спит женщина, которая станет матерью моего ребёнка... Всё наконец стало на свои места. Хвала богам... Отвожу прядь мягких волос от лица Аоры. Она мирно спит, безмятежно и спокойно, пожалуй, впервые за последний год. Точёные черты, огромные зелёные глаза, сейчас прикрытые длинными ресницами, чуть оттопыренная нижняя губа, придающая ей особое очарование... А ещё – скрытое одеялом и невидимое поэтому потрясающей красоты тело... Осторожно, чтобы не разбудить, вдыхаю её запах, такой приятный и так нравящийся мне, затем касаюсь губами волос. Надеюсь, что мы обретём счастье, которого были оба лишены злой судьбой... Всё-таки она почувствовала, что я уже не сплю. Распахивает бездонные озёра глаз, ещё сонные, и потому особенно милые. Приподнимает голову, утыкаясь мне в плечо, потом забавно брыкается, кое-как приподнимается на локтях и животе, снова плюхается на меня, и наши глаза смотрят друг на друга в упор. Мягкая высокая грудь лежит на моей груди. А женщина, которая стала моей женой, вдруг пугается. Её лицо искажается страхом, она подаётся было назад, забыв про всё, но тщетно. Потому что мои руки уже обнимают её, прижимая к себе.

– Доброе утро, малышка.

Говорю я на русском, и Аора морщит лобик, пытаюсь догадаться, что же я сказал. Затем, вспомнив, что между нами было решено вчера, в день возвращения, переспрашивает на русском. Несмотря на океанское происхождение её рода, родилась она и прожила всю свою жизнь в Руси.

– Что это значит?

Перевожу, и женщина смущённо краснеет. Всё-таки местное воспитание довольно, чтобы не говорить слишком, чопорно и пропитано пуританским духом. И ей стыдно лежать сейчас совершенно обнажённой на таком же одетом в костюм Адама мужчине, даже если он её муж... Тянусь губами к ней, желая ощутить вкус поцелуя. Она пытается отодвинуться –

увы. Проще покориться. Вначале скромный поцелуй быстро становится страстным и горячим, потому что... и потом мы просто лежим рядом, остывая после бурного утра...

– Ты всегда такой ненасытный? – бормочет она.

Смеюсь, правда, негромко.

– Только с той, которую люблю.

Аора снова приподнимается, внимательно смотрит на меня.

– Пытаешься понять, лгу я или нет? Нет. Зачем мне это?

Её глаза вдруг наполняются слезами, и я рывком сажусь, прижимаю ставшую бесконечно дорогой мне женщину к груди, ласково глажу по голове, по вздрагивающим плечам, пытаюсь утешить, бормочу ласковые, глупые и совершенно ненужные слова, не в силах понять, что происходит. Почему моё признание вызвало такую реакцию...

– В первый раз...

Разбираю я ответное бормотание...

– В первый раз в жизни...

Боги! Она впервые слышит слова любви?!

Наконец моё воздействие немного её успокаивает, и она отрывается от меня, пытается вытереть ладошкой мою мокрую грудь.

– Извини. Не знаю, что на меня нашло...

– Не страшно. Только прошу: никогда больше не плачь. Я не могу переносить, когда моя женщина проливает слёзы.

– Это слёзы счастья, мой... муж... Счастья, а не горя...

Я действительно ощущаю искренность, счастье, облегчение, любовь, которые сейчас переполняют её... И не хочу отпускать её снова. Но гибким движением Аора выскальзывает из моих объятий, пытаюсь утащить к себе одеяло. Увы. Ей опять не везёт. Она обиженно говорит:

– Мне надо одеться... Юница сейчас встанет.

Но я не отдаю ей покрывало, ложась на бок.

– Мне нравится смотреть на тебя.

– Но мне стыдно!

Пожалуй, женщина права. Слишком много потрясений для одного дня. Точнее, суток. Переворачиваюсь на другой бок.

– Можешь одеваться.

Шлёпание босых ножек по натёртому воском паркету, шуршание пластика, в котором лежит принесённая вчера старшей дочерью одежда для мачехи. Затем я слышу удивлённое восклицание:

– Как это можно носить?! Оно же бесстыдно коротко!

Не выдерживаю, поворачиваюсь к жене. Ух!!! Чуть не упустил самое интересное! С нижним бельём она разобралась и сейчас возмущённо вертит в руках короткий сарафан. Намётанный глаз сразу определяет длину – до середины бёдер.

Натягиваю на себя фиговый лист, именуемый нижним бельём, затем встаю с кровати. Аора пунцовеет, что делает её неотразимой. Протягиваю руку:

– Ты просто не умеешь его носить. Дай.

Она покорно отдаёт.

– Подними руки.

Ладошки послушно поднимаются над головой. Раз! Одним движением я надеваю платье, чуть поддёргиваю ткань.

– Всё.

Моя жена возмущённо смотрит вниз, затем снова выдаёт:

– Но как я в таком покажусь на людях?! Я же со стыда сгорю!

Делаю шаг назад, открываю шкаф с одеждой, достаю шорты, привычную для Новой Руси одежду мужчин, футболку без рукавов. Напяливаю всё на себя и возвращаюсь к красной от стыда неподвижно застывшей Аоре, беру её за руку. Она упирается, но я всё же подвожу к окну. Чуть отдёргиваю занавеску:

– Смотри.

Пугаясь, она одним глазком выглядывает на улицу, затем порывисто возвращает ткань назад.

– Вижу... Но я... Стесняюсь...

Дверь спальни открывается. Мы оба оборачиваемся – на пороге стоит отчаянно трущая кулачком глаз Юница, наша дочка, одетая в длинную ей мужскую футболку с Дартом Вейдером. Аора стремительно алеет, ощущая мою ладонь на своей талии, а дочка спокойно смотрит на её новый наряд, затем выдаёт коронную фразу:

– Ой, мам... Наконец-то ты оделась по-человечески... А... завтрак у нас будет?

Женщина, кажется, сейчас сгорит от стыда. Девочка же деловито поправляет сползающую с плеча футболку, смотрит на смятую после утренней побудки постель и снова выдаёт:

– Ну, дождалась-таки... Мам, кто у меня будет? Сестрёнка или братик?

– Не знаю, милая, – вступаю я в разговор.

Юница морщит лобик, затем изрекает:

– Хорошо бы оба...

– Мы постараемся, милая. Но если сразу не получится, ты не станешь возражать, если мы с мамой сделаем их по очереди? Братика и сестрёнку?

Она смотрит на нас, потом на окошко и вдруг зевает:

– Есть хочу. – Переводит взгляд на меня: – Пап, я подумаю и потом скажу. Ты, главное, больше старайся...

Ну что тут остаётся? Подхватываю дочку на руки, и, несмотря на довольно большой возраст, ей это нравится. Она обнимает меня за шею, уютно устраивается на плече.

– Идём, милая, – зову я Аору, и та, по-прежнему алая, словно мак, нехотя двигается за мной.

Бросаю взгляд в зеркало, стоящее в зале, – поскольку моя половина идёт следом, не желая предоставлять мне сейчас полный обзор фигуры, обтянутой сарафаном, то хоть там полюбоваться. Жена меня просто взрывает, так хочется опять заняться любовью. Но приходится сдерживаться. Подхожу к кухне и слышу радостное приветствие:

– Привет, па! Ого! Как я понимаю, это моя младшая сестрёнка?

Юница мгновенно соскальзывает с моих рук и, замерев, смотрит на Светлану, хозяйничающую на кухне. Следом за нами входит Аора, тоже застывает на месте. Укоризненный беспомощный взгляд на меня:

– Ты обманул... Ты уже женат...

– Дорогая, позволь представить тебе мою дочь, Свету. – Тут же на русском обращаюсь к дочери: – Светик, угадала. Это Юница. А это... гхм... Твоя мачеха. Аора.

По лицу дочери пробегает тень, но лишь на мгновение. Понятно, что называть мою жену мамой она не станет ни за что. Для этого разница в возрасте у обеих слишком мала. Всего два года. Вот такая я скотина, нашёл себе молоденькую.

Света несколько мгновений раздумывает, потом говорит:

– Уж лучше я её только по имени звать буду. И пусть на большее не претендует.

– Она не будет. Не волнуйся. Только я буду рад, если вы найдёте общий язык. И... да, учитывай, что моя половина беременна. Только срок пока очень мал.

– Ой, папка... – Света медленно опускается на табуретку. – Да ты что?! Вот это обрадовал! – Вдруг срывается с места, в мгновение ока преодолев те три метра, что нас разделяют, повисает у меня на шее, болтая ногами. Затем столь же стремительно подлетает к мачехе,

целует её в щёку, потом спохватывается: – Так, пап, короче, сам понимаешь. У меня малая с мужиком, так что я на чуть-чуть. Завтрак на столе, здесь... – кладёт лист бумаги, извлечённый из кармана такого же точно сарафана, как и на Аоре, только другой расцветки, на стол, – список курсов языка и адаптации. Все телефоны, адрес и прочее. Там же контакты специальной школы для сестрёнки. У нас таких детишек много, и пришлось вот организовать. Так что питайтесь... А, кстати, Аора готовить умеет хоть? Я вижу, она у тебя из высшего света? – Ехидно прищуривается, глядя на по-прежнему неподвижную мою жену.

– Дорогая, тут интересуются, ты готовить умеешь?

Она гордо вздёргивает точёный носик:

– Получше некоторых! Любая женщина должна уметь готовить! Иначе как она может быть женой?

Обращаюсь к Свете:

– Умеет. Так что приходите завтра на обед. Похвастаемся.

Дочка кивает и испаряется, удивительно ловко просочившись между мачехой и сестрой.

Тишина. Я рассматриваю стол, заставленный кучей тарелок и чашек, а Юница произносит:

– Пап, а что это было?

Вздыхаю:

– Твоя старшая сестра, милая. Света.

– Ой... – Неожиданно для меня дочка усаживается прямо на пол, скрестив ноги, как говорится, по-турецки и подперев задумчиво щёчку: – Она всегда такая быстрая?

Пожимаю плечами:

– Насколько я помню, всегда. Ни минуты не могла усидеть на месте. – Спыхватываюсь: – Так, хватит тут полы попой протирать! Бегом умываться, и за стол.

Аора подхватывает дочку с пола, бросает на меня злой взгляд – это ещё с чего? – убегает. Я включаю чайник, снова рассматриваю стол. Сухой перекус, принятый у нас в семье. Ни супов, ни каш, как заведено в Руси, только бутерброды, тонко нарезанная ветчина, сыр, колбасы. Ну и, как апофеоз всему, – кусок гигантской клубники, нарезанный ломтиками на манер арбузных. Ещё – яблоки, груши, ваза сочной черешни. Аккуратно расставленные чашки, блюдца, всё на троих. А, вот ещё – кредитная карточка и короткая записка: «Папа, пока ты там ломал кровать наверху, приходил курьер. Тут твоя зарплата за время в Руси». Чувствую, что предательская краска начинает наползать на мои щёки. Поэтому от греха подальше кидаю смятый клочок бумаги в мусорку. Слышу шаги – на пороге снова появляются мои дамы. Юница уже смотрит бодро и шустро влезает на табурет, ожидая маму. Та всё ещё злится. Но видно, что уже отходит. Обнимаю её за талию сзади и усаживаю за стол. Затем устраиваюсь сам, беру чайник.

– Девочки, у нас, на Руси, с утра не готовят. Так что давайте привыкать к нашим обычаям. Берите, кому что приглянется... – Открываю сахарницу. – Тебе кофе или чай?

Аора задумывается на мгновение, потом решительно встряхивает головкой:

– Чай.

– А мне – кофе... – тянет Юница.

Достаю молоко из холодильника, развожу растворимый порошок в кипятке, добавляю сахар и доливаю молоком. Пододвигаю дочери:

– Пробуй.

Она делает глоток, счастливо жмурится:

– Вкусно!

Ухватывает здоровенный бутерброд с ветчиной, вгрызается зубками. Потом вроде как хочет опять высказаться, но, поймав предостерегающий мамин взгляд, просто жуёт, запивая кофе. Аора, в противоположность ведущей себя расслабленно в домашней обстановке дочери, немного напряжена. Держит спинку прямо, демонстрируя безупречную осанку, чуть отставляет мизинчик, когда подносит чашку к губам. Я просто улыбаюсь. Хорошо-то как!..

Потом жена моет посуду, мы совместно подбираем дочери кое-что из одежды, чтобы выйти на улицу и до шлёпать до рынка, находящегося на другом конце города. Наконец все готовы, и мы чинно выходим из дома. Жена держится за мою руку, алея смущением, а Юница весело топает впереди нас. Время от времени оглядываясь и проверяя, здесь мы и правильно ли она выбирает путь. Я же просто доволен. И тем, что дочка на удивление быстро и безоговорочно приняла факт того, что её мама теперь и моя жена. И тем, что, глядя на снующих по улице молодых девушек, которых на удивление много, по сравнению с теми временами, когда я покидал Новую Русь, Аора постепенно сменила смущение на любопытство.

Вот и рыночная площадь. Впрочем, она просто так называется. Сейчас это громадный, по нашим меркам, торговый центр в два этажа. Первый – продовольственный, как я вижу. Отлично, теперь я знаю, да и жена теперь тоже, где можно пополнить холодильник. Ну а второй – вещевой. Там же и бытовая химия, косметика и прочие необходимые вещи. Словом, всё, что непродовольственное.

Мы поднимаемся сразу наверх по широкому пандусу, потому что продуктов дочь натащила на месяц, забив холодильник так, что дверцы еле закрываются. И вот – торговые ряды. Висят на вешалках платья, блузки, рубашки, отдельно – носочки и носки, упакованные в целлофан дамские колготки и чулки. Моя жена снова заливается краской, но замирает на месте, потому что две молоденькие девчонки живо обсуждают между собой достоинства фасона ночных рубашек на русском. Даже ушки шевельнулись. Эти двое явно из Империи, кто-то из наших себе добыл. Незаметно смещаюсь к ним, моя половина слушает, но когда те начинают обсуждать достоинства своих мужей, вспыхивает, утаскивает меня в детский отдел. Юница уже давно там и не может оторваться от невероятных, по её мнению, нарядов. И там действительно есть на что посмотреть – наши швейники стараются, вкладывая в работу всю душу.

У меня отличное настроение: мы не деградируем, наоборот! Как я вижу, работают люди, и дела у нас двигаются в лучшую сторону. Цены, кстати, довольно забавные. Для меня, привыкшего к многонулевым в России, здесь единичные цифры в три – пять, максимум – семь рублей! Впрочем, они очень похожи на русийские. Там, правда, и меньше встречались, но не намного...

Смотрим одежду для дочери, потом – для жены. Она старается выбрать себе всё подлиннее да посвободнее, но тут находит коса на камень. Скоро Аора станет выглядеть на семнадцать лет, потому что гигантская клубника – обязательное блюдо в рационе русов, то есть нас. И носить платья «для старушек» я не собираюсь ей позволять. Тем более, имея такую фигуру и внешность... Могу я, в конце концов, похвастать своим сокровищем?!

Юница весело прыгает на одной ножке по выложенной камнями дорожке и вдруг замирает от удивления – ничего необычного, кроме одного: почему-то знакомая мне девочка едет на дамском подростковом велосипеде. Дочка зачарованно следит за ней, а та, краешком глаза заметив нас, вдруг тормозит, затем велосипед летит в одну сторону, а девчушка прыгает на меня, опешившего от удивления, и радостно кричит:

– Дядя эрц! Ты вернулся!

И только тут я узнаю Гернару...

– Боги! Девочка, это ты?!

– Я, дядя эрц! Конечно же я!

Она очень изменилась за прошедшее время, вытянулась, загорела! Наконец отпускает мою шею, сползает на землю, не обращая внимания на задравшуюся блузку, обнажающую крепкий загорелый животик. Потом всё же спохватывается, поправляет одежду, чуть поддёргивая тортики, с любопытством смотрит на Юницу и Аору. Спешу познакомить:

– Это мои жена и дочь.

Дочь императрицы приседает в книксене и представляется:

– Гернара Стрелкова.

Оба-на! Серый так и промолчал, чьей женой стала Аллия. Оказывается, его! Вот это новость! Улыбаюсь в ответ девчушке:

– А где родители?

Та расплывается в улыбке:

– В гости собираются. К вам, кстати, дядя эрц.

М-да... Похоже, мои мечты о том, чтобы провести отпуск с семьёй, накрываются медным тазом. Причём большим и начищенным. Между тем Гернара стрекочет:

– А я узнала, что вы вернулись, и поехала вас искать.

Что интересно, девочка щебечет на русском, перемежая его русийскими словами. Так что смысл моим понятен. Аора подозрительно косится на меня. Надо же, оказывается, моя половинка ещё и ревнива! И почему-то мне это приятно. Делаю шаг в сторону, поднимая лежащий на земле велосипед.

– Спасибо, что предупредила, Гера. Тогда нам надо поспешить. Кстати, твои родители не сказали, во сколько они собираются к нам?

– Не-а... – мотает головой. Потом что-то вспоминает: – Вроде после обеда...

Уже легче. А то нагрянут без предупреждения, и Аоре придётся краснеть...

– Хорошо. Держи свою технику и езжай домой. И мы пойдём. Надо подготовиться.

Гернара кивает, ловко седлает своё транспортное средство и уносится на бешеной скорости. И мы идём домой. Жена чуть сжимает мой локоть.

– Это дочь твоих знакомых?

– Да. Моего командира.

Женщина перестаёт давить на мои мышцы, успокаиваясь. Я чуть поддразниваю её:

– Ревнуешь?

– Угу. Не хочу, чтобы тебя увели у меня.

– А Хьяма?

Она надувает губки:

– Там особый случай... Но помотала она меня хорошо... – Внезапно больно щипается. –

Ты её замуж звал? А как же я?

– Так ты тогда только молчала...

Она отворачивается, потом, выждав момент, когда Юница чуть отбежит вперёд, бормочет:

– Знала, давно тебя соблазнила бы...

– Это как?!

Женщина краснеет:

– Ну, если бы ты так больно тогда не сдавил меня, то после первой твоей попойки... с Рарогом.

– Гхм...

Значит, ботинки с меня стаскивали не просто так, а с умыслом. Надо было выпить тогда чуть меньше...

Подходим к нашему дому. Может, мне кажется, или просто влияет настроение, но почему-то он выглядит другим. Как-то светлее и радостнее. Словом, тот ровный фон, который я ощущал раньше, сменился более лёгким, прозрачным и, пожалуй, счастливым... Распаковываем покупки, раскладываем всё по местам, я более подробно показываю дом и его пристройки, объясняю Аоре, как пользоваться имеющейся в нашем жилище техникой. Юница тем временем обустраивает комнату себе по вкусу, перетаскивая туда все свободные подушки. Под игрушки находим большой ящик-ко мод, я вешаю полочку, кстати, надо заказать учебники и пишущие принадлежности. Но это после того, как оформлю документы на учёбу. Занятия начнутся, как и принято, в сентябре.

Звоню по оставленным дочерью номерам, и – приятная новость: жена и дочь могут приступить к обучению языку. Договариваюсь на завтра, сегодня лучше нам побыть вместе. Пусть и супруга, и дочь привыкают к новому месту. Аора хлопочет на кухне, и я убеждаюсь, что готовить она действительно умеет и любит. Ира обычно делала всё молча, спокойно, а эта женщина всё время улыбается, и получается у неё на диво хорошо и вкусно. Едим. Не успеваю нахваливать свою повариху. Она цветёт лёгкой счастливой улыбкой. Юница тоже довольна. Едва заканчиваем приборку после обеда, как за забором раздаётся сигнал машины. Вот и обещанные гости. Женщина спохватывается, но я спокойно говорю:

– Ставь чайник. Там Света притащила кучу тортов и выпечки, вот и посидим.

– Но...

Машу рукой:

– Да брось ты, у нас всё просто...

Юница срывается с места, быстро наполняет чайник из-под крана, включает его. Молодец, уже осваивается. Слышу стук в двери, выскакиваю с кухни и кричу:

– Да-да, входите!

Решётчатые лёгкие створки расходятся в стороны, и на пороге появляются Серый с Аллией под ручку и их дочери, выглядывающие из-за спины родителей. У обоих взрослых в руках какие-то пакеты, девчушки тащат коробки. Я на миг теряюсь, но тут Серёга подводит ко мне свою венценосную половину, протягивает руку, предварительно опустив ношу на пол:

– Ну, здорово, Миша!

Не выдерживает, сгребает меня в охапку. Крепко обнимаемся, затем отступаем чуть назад.

– Ваше величество...

К моему удивлению, Аллия, расцветшая и помолодевшая так, что кажется совсем другой женщиной, чем во время нашего бегства, машет рукой:

– Ой, да оставь ты все эти формальности, Миша... – И звонко чмокает меня в щёку.

– Ах!.. – слышу изумлённый возглас с кухни, поворачиваюсь – в дверях застыли две фигуры: дочь и жена.

Супруга Сергея тоже поворачивается на возглас. Потом вдруг охает и переходит на русский:

– Боги! Аора ун Ангриц!

– Ва-ва-ва... Ваше величество...

Хм. А я и не знал, что они знакомы... Впрочем, пост бывший муженёк моей половины занимал немалый, так что не удивительно, что дамы знают друг друга. Серый смотрит то на свою жену, то на мою. Потом толкает меня в бок:

– Кажется, сейчас что-то будет.

И верно, едва Аллия делает шаг к Аоре, как перед ней вырастает Юница, растопырив руки:

– Тётя государыня!

– Юница? Ты – говоришь?!

Девочка кивает, потом косится на дочерей Аллии, громким шёпотом, но так, что слышно на всю гостиную, спрашивает:

– А это – ваши?

– Наши, – вступает в разговор Серый. Потом обращается ко мне: – Ладно, отойдём на крылечко, на пару сигарет. Пусть пока дамы пообщаются.

Я поворачиваюсь к своим:

– Я покурить, милая. Юница, води себя хорошо.

– Конечно, папочка! – сияет та.

Мы выходим на крыльцо, усаживаемся в кресла. Серёга достаёт пачку сигарет, кладёт на стол. Но я извлекаю сигару из кармашка своей рубахи:

– Извини, привычка осталась с Руси.

Он кивает, закуривает, прислушиваясь к невнятно доносящимся голосам из-за прикрытой двери, женским и детским. Затем выдаёт:

– Ну ты жук... Кого себе нашёл...

– А сам-то! Ведь ни словом не обмолвился, что с Аллией сошёлся...

Он машет рукой.

– Ага, сошёлся... Это она меня попросту за жабры взяла и в постель затащила. А потом... – И, пародируя Чапаева, добавляет: – Куцы крестьянину податься? Впрочем, я не против. Будем считать, мне повезло.

– А Влада?

Серый снова машет рукой.

– Лучше не спрашивай. Она сразу замуж выскочила. Сейчас в Порту вместе с мужем разгребает наши завалы.

– Порт – это...

Он кивает:

– Да. Кладбище кораблей. Кстати, он всё ещё действует.

– Я в курсе. «Зубр» же откуда-то взялся.

Мой собеседник вздыхает:

– Крыс выдвинул теорию, что нас тут пасут. И мы не просто так попали сюда.

– Согласен, – киваю я в ответ, выпуская струйку дыма из ноздрей. – Пообщался я тут с одним гарахом...

Серый вздрагивает:

– Аллия мне говорила, что ты с одним поладил... Но они же вроде как страшные хищники...

Машу рукой:

– У страха глаза велики, Серёжа. На самом деле они вовсе не звери. – Короткая пауза. – Они – Древние. Изначальные.

– Что?!

Мужчина бледнеет. Я киваю в знак подтверждения.

– Так что ты прав. И мы здесь не просто так, и пасут нас внимательно. Но, кажется, мы с тобой делаем очень большую ошибку, когда отказываем в помощи Руси.

Серый опускает голову, буквально на миг, потом вскидывает злое лицо:

– И ты туда же? Аллия мне все мозги вынесла, мол, надо помочь, надо спасти! А чем? И – кем? У нас народу – раз-два и обчёлся. Заводы только приработались, что-то начали нормально выпускать. Ресурсов практически нет! Запасов – тем более. Нефть только добывать начали, переработку с трудом наладили. Еле-еле вышли на уровень, когда можем себя обеспечить продуктами и кое-каким ширпотребом... Правда, Старый Крыс грозился сегодня взорвать бомбу...

– Если этот обещал, значит, так и будет, – спокойно отвечаю я.

Наш бывший администратор форума. На котором мы все встретились и сошлись. Голова, короче...

Двери дома открываются, и появляется одна из дочерей Аллии, не знаю, кто из них кто, но тут на помощь приходит Серый:

– Улика? Что такое?

Девочка застенчиво улыбается:

– Папа, вас зовут. Стол уже накрыт. Всё готово...

– Раз зовут, не будем заставлять дам ждать.

Мы поднимаемся с таких удобных кресел...

Глава 2

Мы наслаждаемся любимыми напитками и сладостями. Юница, кажется, совсем освоилась, бойко болтает о своём, о девичьем вместе с сестрёнками, устроившись за специальным детским столиком. И, как я вижу, она очень рада, что у неё появились собеседницы. Русского она пока не знает и стесняется этого. Ничего страшного, конечно, в этом нет, но ей всё равно неудобно. Девочка догадывается, что её новый папа тоже далеко не простой человек, но насколько не простой, даже не может себе представить. И не надо. Зачем ей ломать мозги совершенно не важными в нашей иерархии званиями и титулами? Пусть лучше думает об учёбе и дальнейшей жизни в Новой Руси.

Девочки весело щебечут и, как я понимаю, обмениваются своими впечатлениями. И тут моя дочка явно на высоте, потому что приключений в дороге хватило с избытком. Не то что простой автопробег по Степи с её новыми подружками. Аора нервничает, в отличие от Аллии. Она как-то не может всё ещё воспринять столь крутые перемены в своей судьбе. Ещё буквально сутки назад – неизвестность, отягощенная страшным подозрением о вынашивании внебрачного ребёнка. И вдруг оказывается, что именно это незаконное дитя – самое лучшее, что случилось с ней за пролетевшие месяцы. Муж, любящий её, дочь и ещё не рождённое дитя. Дом, пусть без слуг, но с теми чудесами, что внутри, и механическими приспособлениями они и не нужны. А ещё – гости. Самые обычные для её мужа и невероятные для самой бывшей баронессы. Ну, представьте на мгновение, что вы сидите дома, у телевизора, звонок в дверь. Открываете, а там стоит, скромно переминаясь с ноги на ногу, президент Российской Федерации и этак скромно спрашивает:

– Хозяин, чайком угостишь?

А ты ему в ответ:

– Да заходи, родной. Что, в первый раз, что ли?

Вот примерно так она себя и чувствовала. Плюс ещё куча выводящих её из себя факторов вроде одежды, неизвестной речи, незнакомых правил и обычаев чужой, надеюсь пока, для неё страны... Спасибо Аллии, всеми силами старающейся ободрить и поддержать старую знакомую. Вот кому я благодарен. Впрочем, в смешливой молодой девушке тяжело узнать ту чопорную и злую даму, которая была моей спутницей в путешествии полгода назад.

– ...Привыкла я быстро, Аора. Самое сложное было выучить язык, а остальное – ерунда. Могу дать тебе совет – лучше всего учить ночью... – Императрица бросает лукавый взгляд на своего мужа. – Когда учитель под боком...

Серёга багровеет. Я – улыбаюсь. Аора – словно спелый помидор... Едва успеваем выпить по чашке, звонок по телефону. Не мне. Серому. Тот извиняется, отходит к окну, негромко разговаривает, время от времени бросая на меня взгляды. Ну а я...

– ...Да, собственно говоря, познакомились мы случайно. Будущая жена пришла искать спасения, когда боевики Свободного труда захватили дворец и убили её мужа. Честно скажу, поначалу посчитал её лишней обузой и хотел выставить прочь. Но так получилось, что они остались... Да всякое... А? Дразнила, конечно. Ну и нарвалась... Теперь всю жизнь меня терпеть будет...

Я улыбаюсь, но тут возвращается Сергей:

– Простите, дамы... Миша, нас срочно ждут в Совете. Новости странные, и – не очень весёлые.

Я поднимаюсь, отвечаю короткий поклон, развожу руками:

– Я тоже прошу прощения. Но надеюсь... – бросаю хмурый взгляд на Серёгу, – что отпуск мне всё же дадут отгулять.

– Дадут, дадут. Не переживай. Новости пришли из Руси. Срочные. Требуется консультация. – Он буквально утаскивает меня на улицу.

– Что, нельзя потерпеть? – Сказать, что я зол, – значит ничего не сказать.

Но Серёга быстро гасит моё недовольство:

– Старый Крыс испытал свою машинку. Не спрашивай, как он это сделал, но, похоже, у нас появился путь обратно. На Землю.

– Что?! – Я едва не спотыкаюсь на ровном месте – гарах же говорил, что это практически невозможно! Так кто из них лжёт?! Теперь уже я подхватываю Серёгу и тащу к машине. Кстати... – Ты мой джип мне оставишь или заберёшь на нужды армии?

– Отдам. Будет рейс «Свободы» – на обратном пути закинут. Заработал честно.

Усаживаемся в его «Патриот», и он сразу рвёт машину с места так, что резина визжит. После пяти минут сумасшедшей гонки – я не успеваю сообразить, как он не сбил никого по пути, – джип тормозит возле здания Совета. Мы вываливаемся наружу и буквально взлетаем на второй этаж, где уже собрались все наши: сам Крыс, Владыка Войны, Инженер, Эсминец, ну и теперь мы. Посередине залы стоит непонятного назначения агрегат, возле которого с потерянным видом сидит его создатель. Ребята, видно, возбуждены, но молчат. Похоже, ждут только нас... При виде аппарата меня охватывает ледяное спокойствие. Кажется, я начинаю соображать, чьи это шутки... Но пока помолчим, послушаем.

– Марк, давай подробно. Что, чего, с чем едят.

Крыс поднимается со своей табуретки и, не глядя на нас, говорит:

– Если коротко: когда появится возможность выйти к нашему первому тоннелю, через который мы проводили разведку, то через него сможем при помощи этой машинки проходить на Землю и обратно. Без всяких побочных эффектов, точно на таких же условиях, как и прежде.

Ребята начинают переглядываться.

– То есть... Желающие могут вернуться домой?

– Совершенно верно.

– И по какому принципу работает эта машина?

Марк разводит руками:

– Если бы я знал... Просто в один прекрасный день вдруг понял, что мне надо срочно его сделать. Этот аппарат. Вот и засел. Провозился месяц – много чего нужно было найти и изготовить эксклюзивно. Но вот... Действует...

– Уверен?

– На все сто.

Я не выдерживаю, встаю со своего места, подхожу к окну и, распахнув створки, закурываю сигару. Эта новость требует глубокого осмысления. Самое главное – шила в мешке не утаишь, и скоро весть о том, что можно вернуться, мгновенно разлетится среди наших. И что тогда? И в этот момент воцарившаяся было тишина взрывается бурным обсуждением. Я молча стою, время от времени делая короткие затяжки, отчленяя шелуху и выделяя для себя главное: все мечтают не о том, чтобы вернуться. Совсем наоборот. Мои соратники мечтают пополнить наши ряды новыми членами общества. Что ж, острейшая нехватка людей действительно режет нас без ножа. Но как же быть с предупреждением гараха? Кто ошибается?

– Брум. Брум!

Я вздрагиваю, отвлёкшись от размышлений, резко оборачиваюсь к ребятам. На меня смотрит Серёга.

– Да?

– Чего молчишь?

Пожимаю плечами:

– А что я могу сказать? Надо проверить машинку. А потом уже думать...

Внезапно Марк вспыхивает:

– Ты не крути, рассудительный ты наш! Давай выкладывай, что там у тебя на уме!

Тут я ощущаю злость:

– Хочешь знать? Хорошо... – Затягиваюсь так, что от никотина из глаз выступают слёзы. – Первое: твоя машина не работает. Потому что достойные доверия разумные сказали, что это невозможно.

– С чего ты взял? Кто вообще мог такое ляпнуть?! Я отвечаю за свои слова! Что за человек...

– Он не человек. Я не говорил, что сказавший мне это – человек. Я сказал – разумный.

– А в чём разница?!

– Добрый день, люди...

Все опешили, когда в зале материализовался гарах. Тот самый, с которым я вёл свою беседу во сне. Он хитро прищурился, задрал хвост, пробежался вокруг машины Марка. Скорчил смешную рожицу. Затем уселся на подстеленный под себя пышный хвост, тряхнул длинными ушами, почесал выпущенным когтем за ухом, явно наслаждаясь реакцией моих друзей. Да, надо было видеть их лица!

– Э...

– Только не надо лишних слов. И чесать меня за ухом не надо. Это я и сам умею делать неплохо.

Гарах встал, снова подошёл к машине. Едва ли не нюхнул её и лениво отошёл в сторону:

– Поздравляю вас, люди. Вы только что чуть не уничтожили свою планету.

– Что?! – Единодушный вопль, в который вплёлся и мой голос, казалось, заставил зал вздрогнуть.

Гарах оскалил акулю пасть:

– Если проще, то данный агрегат действительно способен пробить тоннель на вашу планету... – Он сделал короткую, но очень многозначительную паузу. – За одним исключением: если работает центральный блок управления переходами.

Уставился на меня, и в моей голове прозвучал мысленный вопрос: «Ты ещё не сказал им?» Я едва заметно качнул подбородком: «Нет». Обмен мыслями занял мгновение, поэтому никто не заметил моего движения головой. Все были слишком удивлены появлением среди нас Древнего. Гарах же продолжил:

– Своим переходом на эту планету вы вызвали перегрузку управляющего контроллера перехода, и путь в ваш мир оказался перекрыт навсегда. Теперь вы сможете вернуться в него лишь через космос.

– Почему мы должны вам верить, э... – Владыка Войны замаялся, не зная, как обратиться к гараху.

Тот снова оскалил жуткую пасть в ухмылке:

– А у вас нет другого выхода, люди.

Серёга потряс головой, как обычно делал, собираясь с мыслями:

– Тогда что сделал Крыс?

– Дублирующий привод Храма многорукого зверя. Того самого, который управляет переходом через тоннель. Ваш изобретатель прав: с помощью построенной им машины действительно можно через тоннель, расположенный на этой планете, попасть в другие миры. Но только не на Землю. Туда вам путь закрыт. Но в другие миры вы можете попробовать пройти. Хотя я не рекомендовал бы вам спешить.

– Почему?

И снова усмешка акулы на лисьей морде с заячьими ушами.

– Опять же по многим причинам. Вам их перечислить?

Эсминец прищурился:

– Назовите для начала хотя бы одну...

– Хорошо. Представьте, что вы пришли в новый мир. И теперь уже он превосходит вас технологически. Что тогда?

– Так это же хорошо! Мы сможем обогатиться новыми знаниями...

– А куда вы денете прежние? Люди! У вас тут дел выше крыши, как вы говорите. Разберитесь вначале здесь. А потом лезьте в другие миры. Они никуда от вас не уйдут. Обещаю...

Хлопок – и гарах исчез, словно его и не было. С нас словно слетело какое-то наваждение. Все переглянулись между собой, Серёга поднялся, нервно выдернул сигарету из пачки, подошёл ко мне:

– Дай зажигалку.

Я вытащил плоский цилиндр из кармана, протянул ему. На Марка было жалко смотреть, он сидел с опущенной головой. И я прекрасно его понимал – столько надежд, и вот, полный... песок...

– Это Древний?

Я кивнул. Внезапно на лице Крыса появилась слабая улыбка.

– Забавный он.

– Умный, – парировал Инженер. – Чётко, и по существу. – Вдохнул: – Ладно, Марк, твоя игрушка ещё пригодится. Но – позже. Давайте думать, что нам делать дальше...

Серёга вздохнул:

– Воевать с Океанией. Другого выхода у нас нет.

– Согласен.

Все удивлённо взглянули на меня. Впервые на их памяти я безоговорочно поддерживаю войну. Хотя всегда до этого был против.

– Что-то я тебя не узнаю, Миха. Обоснуй своё предложение. Ты это умеешь... – нехорошо прищурился Эсминец.

– Всё просто. Сейчас на Панъевропе каша. Самая настоящая. Что Гонведия, что Пруссия, что Русия погружены в хаос. Немногие оставшиеся организованными военные части дерутся с высадившимися на материк солдатами Океании, предоставив граждан всех трёх государств самим себе. Голод. Безработица. Разгул бандитизма. Словом, мы имеем то, что имеем. Простые люди и аристократы выживают, как могут. И все хотят хоть какого-то порядка. Потому что за прошедшие полгода наелись анархии и безвластия досыта...

– Не факт. У нас семь лет воевали... – задумчиво протянул Марк. Его слова меня порадовали: он явно приходил в себя после общения с гарахом. – Не факт. Но основной процент – точно. Думаю, процентов восемьдесят в Руси и не менее семидесяти в остальных странах желают восстановления хоть какого-то, пусть жёсткого, но порядка. И это – наш шанс.

– Для десяти тысяч беженцев из другого мира? Даже меньше – максимум людей, которых мы можем выделить для экспедиции в Панъевропу, вряд ли превысит тысячу. Остальные нужны здесь. Иначе всё, чего мы добились за это время, пойдёт псу под хвост...

– Правильно. Сможем ли мы заменить своих местными кадрами?

– Языковая проблема.

– Самая главная. Меня не было, но, может, у кого есть информация, за сколько привезённые оттуда люди начинали более-менее уверенно разговаривать на русском?

– Три-четыре месяца. Дальше шли тонкости, – ответил Костя.

Серёга пока молчал, давая возможность высказаться каждому из нас.

– Мне лично пришлось осваивать русский полгода. Вы все в курсе.

– Верно.

– Значит, проблема решаема. И не столь велика, как нам кажется. Но возникает прежний вопрос: ассимиляция и поглощение нашей общины аборигенами.

Серёга машет рукой:

– Не думаю, что опасность будет столь велика. Я сужу по своей половине. Аллия воспринимает наши обычаи охотно. И даже, можно сказать, с радостью. Да и остальные, кого я видел, вроде тоже не слишком возражают...

– То женщины! – откликнулся Эсминец. – Тем более молодые! Здесь испокон веков заведено, что женщина обязана следовать приказам мужа. А мы говорим о взрослых, состоявшихся в жизни людях, со своим характером, со сформировавшимися взглядами на жизнь.

– Молодёжь легче поддаётся влиянию нового. Это правильно. Так кто или что мешает нам везти сюда только молодых? Ну, или тех, кто действительно может принести нам настоящую пользу? Учёных? Инженеров? Сейчас в Панъевропе полно осиротевших детей. Поверьте, я посмотрелся на них в Руси досыта. Вот наша будущая опора, наш становой хребет.

– Организовать детские дома?

Я пожимаю плечами:

– Технологии достаточно отработаны. И воспитать из осиротевших детей верных нам соратников – лишь дело времени. А его у нас достаточно. Сами знаете...

Вроде уговорил. Вижу по глазам. Хотя сомнений ещё немало.

– Но воевать против всей Океании горсткой людей... – тянет Марк.

Вскидываю руку и произношу только одно слово:

– Сипаи.

Все словно застывают в ступоре. Затем на лицах постепенно проявляются улыбки, а я развиваю свою мысль:

– Солдат достаточно и в Панъевропе. Только у них нет оружия и командиров. Точнее, не так. Командиры есть. Но они разобщены, и каждый действует сам по себе. Дать им точку фокуса, сбора всех сил, помочь оружием, боеприпасами, продовольствием, оставив себе самое мощное вооружение. Авиация, танки, реактивная артиллерия только у нас. Как и специалисты, их обслуживающие. Жёсткий отбор командиров, тут нам может помочь Пётр Рарог, так как большинство носящих погоны ему знакомо. Отлаженная логистика снабжения. Перекрыть при помощи наших возможностей и техники проливы. Навести порядок на подконтрольных нам территориях. Это реально и для небольшой группы. Одновременно – мониторинг тех, кто находится в зоне нашего влияния. Отбор наиболее перспективных кандидатов, переучивание и, опять же, возвращение обратно, в Панъевропу.

– Сроки?

– Всё зависит от нас. К тому же среди тех, кто в Панъевропе, можно и нужно производить ротацию. – Хитро прищуриваю левый глаз. – Проблему с женским полом, как я вижу, никто ещё не решил?

Лёгкий гул проносится по залу. Неудача с машиной Марка уже забыта. Все настраиваются на будущее дело. Серёга не очень доволен, но нас, тех, кто за помощь Панъевропе и Руси, большинство. Но делает попытку остудить наш пыл:

– А что потом?

– Потом?... – тянет Марк. Внезапно коротко смеётся: – За прочих не скажу, но вот у кого-то законная жена – императрица Руси. Причём так же законная, как и легитимная. Поэтому придётся кому-то после победы поработать принцем-консортом.

Все, кроме Серого, смеются. Включая меня. Впрочем, потехе отводится буквально минута. Все быстро собираются, в смысле воли и характера. Миг – и Совет уже готов действовать. Но я опять прошу слова:

– Народ... Тут такое дело... Я вообще-то в отпуске... вроде бы... К тому же – только женился... Мне три дня хотя бы, положено по КЗоТу...

Все снова смеются, потом Серёга отвечает:

– Отдыхай. Всё равно сейчас будет проработка всех этапов, подготовка будущих баз, проверка имеющегося вооружения и его ремонт. Да и ресурсы нам заготовить надо. Сколько океанцев высадилось в Руси, знаешь?

– Думаю, не менее ста пятидесяти тысяч.

– Именно. И хотя русийцев намного больше, но воевать им нечем. Да и поодиночке их быстро разобьют. Так что, Миша, отдыхай. Наслаждайся жизнью с молодой женой, вводи её в курс дела. Ну и готовься. Сейчас у нас май. А к октябрю, самое позднее, думаю, и начнём помаленьку...

Я киваю и выхожу из комнаты Совета. Спускаюсь по лестнице, на мгновение замираю на высоком крыльце, и тут мне сверху кричат из открытого окна. Серёга.

– Возьми мою машину пока! Ключи в замке. Только Аллию потом с девочками домой завези...

Задираю голову и кричу в ответ:

– Спасибо! Сделаю!..

И вдыхаю полной грудью удивительно густой и свежий воздух, напоённый ароматами трав. Всё-таки как хорошо, что мы решились!.. «Патриот» заводится с полуоборота, и я, включив передачу, не спеша еду домой, наслаждаясь чувством поездки по улицам города. Народу в нём явно прибавилось, и довольно значительно. В основном за счёт молодых женщин из самых разных мест. Вон идут явно русийки. А эти, судя по лёгким накидкам из газовой ткани на длинных тёмных волосах, гонведки. У них так положено, и, кажется, их мужьям ещё не удалось отучить своих юных половин от этого обычая. Хотя мини одето на всех без исключения, и мне приятно смотреть на красивые женские ножки.

Заруливаю на площадку перед домом. Привлечённые шумом мотора из дверей выглядывают любопытные мордашки девочек, включая Юницу. Затем появляются дамы. Аллия высматривает Сергея, но из-за руля выезаю я.

– А где Серьёжа?

Она произносит его имя с лёгким акцентом, но получается у неё это так мило, что я невольно улыбаюсь в ответ.

– Работает.

– А ты?! – Она удивлена, и Аора смотрит на меня с подозрением.

Отвечаю:

– Я – в отпуске.

– Это почему?!

Вот же любопытная!

– По многим причинам. Первое – я уже полтора года без отпуска и выходных. Второе – я молодожён. Третье – пока могут обойтись без меня.

Императрица мгновенно настораживается, делая стойку, словно охотничья собака, на моё «пока». Упирает руки в боки, подаваясь вперёд, как тогда, в нашем путешествии:

– Вы что-то решили? Это очень важно?

– Решили. Но скажет ли об этом вам муж, ваше величество, решать только ему. Я не имею права.

– Фу, какой ты! – Аллия смеётся. – Совсем, как там...

– Что поделать, ваше величество, я ничуть не изменился...

Женщина подхватывает Аору под руку:

– Пойдём, милая. Твой муж вернулся, надо его накормить...

Я спохватываюсь:

– Сергей просил отвезти вас домой.

Аллия тут же разворачивается ко мне:

– Он опять до ночи?! Ну, я ему устрою... Тогда – поехали. Девочки, прощайтесь, и домой.

– Чего так сразу-то?! – смутившись, бормочу я, на что Аллия отвечает:

– Отпуск – дело святое. Да и тебе ещё надо о многом тут поговорить... – Она заговорщически улыбается, потом подходит и шепчет на ухо: – Может, мы Юницу к себе домой на сегодня заберём?

– Э, нет! – восклицаю я громко, затем так же, как женщина, шепчу в ответ: – У неё комната внизу. Не услышит.

И мы дружно смеёмся под ревнивым взглядом Аоры. Ничего. Как стемнеет, расскажу.

...Высаживаю семейство Сергея у его дома. Отдаю ключи. Назад – пешком. Ничего страшного. Пройдусь перед ужином, благо недалеко, а вечер удивительно приятен... Аора встречает меня в калитке, преградив путь:

– Почему так долго?

Улыбаюсь в ответ, целую в щёку. Она пытается оттолкнуть меня, потому что зла.

– Пешком шёл. Наша машина ещё не вернулась.

Молчит, но теперь делает шаг в сторону, поворачивается и идёт к дому. Догоняю, обнимаю сзади, привлекая к себе, осторожно смыкая ладони на плоском ещё животике, в котором разгорается новая жизнь, шепчу ей в аккуратное ушко:

– Аллия предлагала забрать на ночь Юницу.

Даже на расстоянии меня обдаёт жаром вспыхнувших щёк. Спешу успокоить:

– Разумеется, я отказался.

– Правильно. – Легонько бьёт меня по рукам. – А вдруг дочка испугается? Нет уж. Ладно, идём ужинать. Всё, наверное, уже остыло...

– А где Юница?

– Я не стала дожидаться тебя. Начала кормить её.

Резко оборачивается ко мне, испуганно всматриваясь в моё освещенное уличными фонарями лицо – не сержусь ли я? Улыбаюсь в ответ, её личико чуть разглаживается.

– Правильно сделала. Нечего заставлять ребёнка ждать. Это я сейчас на отдыхе, а потом... – Вздыхаю. Потому что чувствует моё сердце – скоро будет не до режима. Труд нам предстоит ещё тот, Сизиф отдыхает...

Входим на кухню и замираем – похоже, наша дочь сегодня умаялась. Юница мирно посапывает, сидя на стуле, рядом с недоеденным блюдом. Аора умильно улыбается, меня тоже трогает эта картинка. Женщина делает шаг к дочери, но я останавливаю её:

– погоди. Давай я.

Подхватываю тоненькое тельце на руки. Дочка что-то сонно бормочет, но тут же успокаивается. Идём в её комнату. М-да... Куча кукол, какие-то альбомы, книги, тетради... Ну, кто-то у меня завтра будет убираться. Долго и упорно. Укладываю девочку в кровать, оставляя её с мамой. Сейчас дочку будут переодевать. Так что... Кивнув жене, возвращаюсь на кухню. Еда действительно остыла, но всё равно выглядит вкусно. Две минуты в микроволновке – и можно есть. Всё-таки мне повезло. И красавица. И умница. И готовит вкусно! А дочка – вообще чудо!

Глава 3

Извини, но я так не могу.

Хьяма круто развернулась и оставила молодого человека одного. Владимир хмуро посмотрел вслед удаляющейся девушке и зашагал прочь от берега океана. Нет – значит нет. Унижаться и упрашивать её он не станет. Не захотела, так тому и быть. Он молод, силён, впереди вся жизнь. Так что всё ещё переменится.

Вошёл в свой домик, выделенный ему, как офицеру, плюхнулся на кровать, едва сбросив форменные берцы, и тут накатило. Боль. Не телесная. Душевная. Ну что ей не хватало?! Когда она выбралась из отцовского джипа, он почувствовал, как сердце дрогнуло и пропустило удар – настолько ошеломляюще красивой тогда показалась ему девушка. Да и батя хитро подмигнул и ехидно брякнул, мол, заказывал? Получи и распишись, как говорится. Только не срослось. Вначале вроде Хьяма и сама была не прочь завязать с ним серьёзные отношения. Во всяком случае, он это чувствовал. А потом, едва вернулись на Базу и родители вместе с молодой женой и её ребёнком улетел в Метрополию, девушку будто подменили. Быстрое охлаждение чувств, впрочем, их и не было с её стороны. В отличие от него. Вроде старался во всём угодить, предугадать все её желания, а в результате остался один. Опять...

Впрочем, хватит раскисать. Поднялся с кровати, сунул ноги в тапочки, прошёл на кухню, включил чайник, пока тот грелся, приготовил всё к вечернему кофе. Как отец, пристрастился к кофе. Правда, уже здесь, на новой планете. Дома-то чай в основном. Сходил в комнату, взял учебник по тактике спецподразделений и, когда всё было готово, удобно устроился на стуле, вытянув ноги. Делал маленькие глотки, штудирова учебник. Прочитав главу, случайно выглянул в окно. Ого! Уже стемнело. Пора, пожалуй, спать ложиться. Снова накатила тоска, но выпрямился, расправил плечи. Не последний день живу, в конце концов. А Хьяма – её жизнь, её и выбор. Принял душ, улёгся в кровать и практически мгновенно уснул.

Утро началось с визита посыльного. Владимир едва успел позавтракать. Расписавшись в получении, дождался, пока тот отдаст честь и удалится, и вскрыл пакет. Ого! Явиться к командиру Базы в полдень. Форма одежды – повседневная. Ну, раз так... Он, по сути, и так тут просто болтается. Прикомандированный. Ни поручений, ни заданий. Что есть – то есть. Изредка ставят дежурным по штабу, да пару раз вызывали переводить неведомыми путями попавшие сюда воззвания различных русских фракций и группировок. Ничего, кроме громких слов и пустопорожней болтовни. Хорошо, что есть Рарог. Вот кому с удовольствием можно и нужно помочь. Но и его вчера увезли в Метрополию. Срочный вызов. Причём настолько срочный, что даже вертолёт послали. Впрочем, насколько он знает, этот рейс у «два – шесть» последний – машину ставят на профилактику. Но вроде запустили самолёты в воздух. Жаль, что он не пилот... Но не всем же быть лётчиками, на самом деле...

Тронул бархоткой ботинки, полюбовался – неплохо. Можно помаленьку идти... Военный городок был неожиданно оживлён. Маршировали бойцы, облачённые в полное боевое снаряжение, рычали двигатели грузовиков и танков. Изрыгая клубы сизого дыма из выхлопных труб, надрывались на разравнивании большого поля бульдозеры. Все куда-то спешили, один он оставался без дела. Наверное, уже недолго. Не зря его вызвали таким необычным способом. Куда проще было позвонить по внутренней связи, чем гонять бойца... Отдал честь часовому у двери, вошёл внутрь здания штаба. При виде лейтенанта, дежурный вскочил:

– Лейтенант Звонарёв, вам сюда, – указал на дверь начальника особого отдела, что неприятно удивило молодого человека.

Но раз сюда, то делать нечего... Шагнул к ней и тут заметил, что прежняя табличка исчезла. Теперь тут красовалась надпись «Тактический зал». Сразу отлегло от сердца. А то

уже полезло в голову невесть что. Поправил головной убор и, открывая дверь, уже привычно произнёс:

– Разрешите?

– А, Звонарёв? Давай, только тебя ждём. – Командир Базы полковник Голованов кивнул молодому офицеру, приглашая его к столу, возле которого сидели двое.

И Владимир зря надеялся, что это теперь не кабинет особого отдела. Оба незнакомых майора были как раз особистами. Офицеры переглянулись:

– Он?

– Да.

Внимательные жёсткие, даже колючие взгляды. Затем один из них произнёс на русском:

– Значит, речь наших будущих союзников вам знакома?

Владимир ответил на том же наречии:

– Да. И думаю, довольно неплохо. Была возможность попрактиковаться.

– Замечательно, – теперь на родном ответил второй майор, прямо-таки засияв. И поднялся: – Майор сил специального назначения Ковалёв.

Затем представился первый:

– Командир группы специального назначения майор Рублёв.

– Лейтенант Звонарёв.

Ковалёв откинул в сторону лежащую на столе газету, вынул из-под неё конверт с кучей печатей, протянул молодому человеку:

– Вам, юноша. Прочитайте при нас. Потом будем разговаривать.

Хмыкнув про себя, Владимир быстро вскрыл тонкую бумагу, обратив внимание на печати. Без номера, зато с надписями на двух языках. Впрочем, рассматривать фиолетовые штампы времени не было. Оба спеца и так проявляли нетерпение. Пробежал глазами короткий текст приказа. Вздыхнул, осмысливая прочитанное, потом аккуратно сложил лист обратно, убрал в конверт.

– Чем могу служить, господа офицеры?

– Товарищи, – поправил его Голованов.

Ковалёв ухмыльнулся, впрочем, едва заметно.

– Сегодня убываете, лейтенант. С нашим отрядом. В качестве военного переводчика. Маршрут – к южной оконечности Руси. Миссия – глубокая разведка. Необходимо прошупать настроение местных жителей, посмотреть на океанцев поближе, ну и прикинуть место расположения опорных баз на будущее. Понятно? Вопросы есть?

– Есть, товарищ майор. В смысле, вопросы есть.

Офицер нахмурился, а Голованов усмехнулся.

– Двигаемся транспортом или пешком порядком?

– Техника будет.

– Снабжение?

– Всё с собой. Хотя, конечно, авиаторы будут подкидывать по пути.

Владимир кивнул.

– Всё. Больше вопросов не имею. Когда выдвигаемся?

– Завтра утром. За час до подъёма. За вами придут. Не проспите, Звонарёв.

– Не замечал за собой такое.

– Тогда можете быть свободны.

Вовка шагнул к двери, но его остановил голос командира Базы:

– Звонарёв, особо не суетись. После обеда тебе принесут всё, что нужно. Проверь, если что не так – поменяй. Только без лишнего фанатизма. Лады?

Владимир резко развернулся, отдал честь:

– Так точно, товарищ полковник. Разрешите идти?

– Иди, воин. Готовься.

Мужчина едва заметно кивнул, и молодой человек покинул штаб Базы, направляясь к себе.

...Путь к новому месту службы занял неделю. К удивлению Владимира, офицеров там, кроме него самого и обоих майоров, не было. Будучи старше его по возрасту почти вдвое, они относились к нему добродушно, но дистанцию, незримую, держали. И то – разве сравнится молодой, по сути гражданский человек, пусть и прошедший жёсткую подготовку в лагере молодых бойцов, с волками, воевавшими несколько лет на настоящей войне? Впрочем, превосходством офицеры не кичились и всегда охотно помогали молодому человеку, частенько попадавшему вприсак из-за недостатка опыта.

Но постепенно дело пошло на лад. Все силы вновь сформированного подразделения в количестве ста человек были отданы на подготовку к будущему рейду, и тренировкам и слаживанию в единое целое уделялось основное внимание. Физическая, огневая и даже строевая подготовка, впрочем последняя без особого фанатизма, занимала практически всё время. А вечера были посвящены изучению русского языка, обычаев и нравов страны, где потеть в качестве преподавателя приходилось Звонарёву. Но он старался, и необходимый военно-полевой минимум бойцы усвоили довольно быстро и качественно.

В их лагерь прибыла обещанная техника и оружие, боеприпасы и специалисты, которых, недолго думая, спихнули на Володю. К спецам отнесли инженеров, управляющих беспилотными вертолётами, инженера-строителя, двух механиков. Все немолодые, с большим опытом, но благодаря омолаживающей ягоде возраст на них не сказывался, и физические нагрузки новички тянули не хуже молодёжи, которой в отряде было подавляющее большинство. Из техники прибыли четыре «студебеккера», оборудованные кунгами-будками, в которых размещались полевая механическая мастерская, мощная радиостанция, дизель-генератор и склад инструментов, и, в последней машине, передвижной госпиталь, которым заведовали муж и жена Фроловы, являющиеся хирургом и медсестрой. Тоже из омоложенных старичков, медики с колоссальным, по меркам прочих, опытом. Личный состав должен был передвигаться на трёх БТР-80, двух «Доджах-3/4», обшитых бронёй на заводах, как командирских машинах, плюс шести мотоциклах и кроссовых китайских военных машинах для разведчиков. Отдельно шла старенькая КШМ на базе «пятидесятки» и два громадных «фронтowych», как называли найденные на «Либерти» громадные американские тягачи, тянущие топливные цистерны. Запасной боезапас разместили на бронемашинах и на свободных местах в грузовиках. Ещё один тягач «Федерал-604» волок продовольствие. В общем, примерно к июлю группа была готова выдвинуться. Ждали только приказа. И он не замедлил поступить, доставленный курьером из Метрополии под роспись.

Расписавшись в сопроводилровке, майор Рублёв вызвал Владимира в штабной домик и сунул ему под нос приказ.

– Читай.

Пробежав глазами лист, лейтенант вернул его командиру.

– Всегда готов.

Майор вздохнул:

– Чайник ставь. Сейчас Григорий подойдёт. Обмозговать надо. Кое-что.

Пожав плечами, молодой человек налил из ведра воды и включил блестящий пластмассовый агрегат в сеть. Спустя минуту после этого дверь распахнулась, и явился озабоченный чем-то Ковалёв, оглядев собравшихся, вяло поприветствовал обоих. Шагнул к чайнику, увидев, что тот ещё только закипает, плюхнулся на стул:

– Долго ещё сидеть будем? Уже задница болит от ничегонеделания. И народ начинает вопросы задавать. Разные.

– Отсиделись, Гриня. Вот. Подай, Володя.

Лейтенант подал приказ, и спустя мгновение майора будто подменили.

– Ну наконец-то! Когда?

– Завтра, после завтрака выходим.

– А куда?

Рублёв вздохнул:

– А вот это мы сейчас и обсудим, господа-товарищи... – Командир раскатал плотно свёрнутый рулон, придавил пытающиеся снова свернуться края ватмана и склонился над ним. – Прошу взглянуть сюда.

Владимир оторвался от наливания кофе и, держа кружку на весу, первым шагнул к столу. Едва сдержал возглас изумления – карта! Причём не простая, местная, а явно составленная при помощи аэрофотосъёмки человеческими специалистами.

– Итак, что мы имеем... – Майор чуть нагнулся, выискивая взглядом известные пока только ему точки. Затем ткнул пальцем в найденное: – Нам предоставлено на выбор несколько мест. Первое – Пров. Небольшой городок не так далеко от Степи. Тридцать тысяч населения с округом при полном отсутствии какой-либо промышленности и транспортных ветвей. Если не считать грунтовой дороги. Стоит далеко от всех крупных городов и особой ценности не представляет. Поэтому частей противника поблизости не замечено. Бывают наездами, но на короткое время. Потом убираются обратно.

Все всмотрелись в снимки. Действительно, донельзя провинциальный, даже можно сказать, патриархальный городок. Между тем Рублёв продолжил:

– Гарс. Город гораздо крупнее, почти вдвое... Был. До вторжения. Сейчас там, по данным, полученным разведкой, едва насчитывается десять тысяч населения. Практически полностью сожжён океанцами из-за того, что когда-то в нём размещалась довольно крупная часть армии Руси. Жители по большей части уничтожены, остались лишь случайные обыватели да те, кто успел бежать сюда после начала интервенции и явился уже вслед за интервентами. Ещё одна точка – Тургар. Очень интересное, на мой взгляд, местечко... – Его толстый палец упёрся в указанное им место. – Почти сто тысяч жителей. Мало того, сюда сходится целый клубок трактов, как тут говорят. Трансконтинентальная Русийская железная дорога. Магистраль имени его императорского величества Каля Шестого, проходящая с севера на юг. Плюс Великий тракт, идущий через Восточные леса к самому побережью океана, ну и куча прочих мелких дорог во все концы страны. Откровенно говоря, очень важный и крупный транспортный узел. В самом городе имеются два завода, металлургический и перерабатывающий, принадлежащие группе Пуяттина. Есть несколько мельниц. Через город протекает довольно полноводная река Снара, впадающая в Северный океан. Людей сейчас там довольно много. Около пятидесяти тысяч человек. Может, чуть больше. Основная причина покидания города – острый недостаток продовольствия. Поэтому жители разбрелись кто куда.

В основном – южнее, где земли более плодородные. А, ещё забыл: там большие угольные разрезы. Вот. – Майор облегчённо улыбнулся. Сделал глоток из Вовкиной кружки, не обратив на это внимания, затем продолжил: – Конечно, с точки зрения стратегии Тургар наиболее выгодное для нас место. Достаточно населения. Есть даже промышленность. Но в связи с этим там гарантированно целая куча агентов Свободного труда. А это не слишком хорошо...

Оба других офицера пока молчали.

– К тому же, если мы перекроем город, океанцы сразу озаботятся. Ведь через него протекает одна из их ветвей снабжения. Так что визита сил наведения порядка долго ждать не придётся. Словом, выбирать нам. Почему я вас и позвал. Ах да. Ещё одно. У нас есть право изменить место дислокации, если оно чем-то нам не подойдёт. – Снова потянулся к чашке, но на этот раз рука шарила впустую – Володя уже успел убрать свой кофе.

Лейтенант приблизился к карте, пытаясь охватить её всю взглядом.

– Вопрос, командир...

– Давай.

– Можно отметить район, в котором заинтересованы наши начальники?

Майоры переглянулись, потом Рублёв решительно отчертил ореал красным карандашом:

– Вот эта зона.

Кажется, они уже догадались, что хотел им предложить младший по званию, а Владимир внимательно рассматривал данные с самолётов. Затем покосился снова на карту. Опять упёрся взглядом в снимки.

– Если смеяться не будете, то я предлагаю сюда. Гаров. – Он показал на карте, где находится это место.

Старшие коллеги уставились на отмеченный на карте город.

– А что? Неплохо. Интересный вариант получается, а, Гриня?

Второй майор кивнул:

– И не так далеко, кстати.

Владимир облегчённо вздохнул, застенчиво глядя на старших товарищей. Рублёв хлопнул его по плечу:

– Отлично. Значит, завтра и двинем туда. – Аккуратно скатал карту, убрал в сейф. – Всё. Разбегаемся, товарищи офицеры. Последний раз отдыхаем. Больше некогда будет.

...Путь до Гарова длиной в семьсот километров занял четыре дня. Марш прошёл успешно, техника не подвела, и на утро пятого дня, после короткого, тридцатикилометрового пробега, с холма, возвышающегося над городом, командиры обозревали город в бинокли, обмениваясь репликами:

– Вроде тихо.

– Слева, от городской управы.

Вся оптика повернулась по указанному направлению и на мгновение замерла. Три артиллерийских орудия полевого калибра, десяток снарядных ящиков возле них, застывший неподвижно солдат с винтовкой на карауле. Чуть поодаль – пять лошадей под небольшим навесом.

– Тошие. А ведь лето. Не должны так выглядеть.

– Странно.

– Может, беглецы?

– Приедем – узнаем.

– Значит, рискуем?

– Выбрали – будем осваиваться. Чего ждать?

– Стойте. Гляньте туда!

По железной дороге медленно приближалось облачко серого дыма. Все замерли в напряжении.

– Эшелон.

– Очень маленький. Непривычно.

И верно. Кургузый паровозик с крошечным тендером, надрываясь, с трудом волок за собой десяток грузовых вагонов. Приблизившись к городу, машинист дал гудок, и внезапно город ожил – из домов высыпали люди, гражданские, военные. Все вперемешку. Часовой возле пушек задёргался, не зная, что делать. Из здания управы буквально вывалилась небольшая кучка народа в форме, тоже бестолково засуетились. Кто-то хватался за оружие, кто-то, подхватив руками борта шинели, устремился по улице к центру, где находилось здание вокзала.

Между тем эшелон приближался, и в бинокли было ясно видно, что из распахнутых настежь дверей теплушек торчат штыки.

– Солдаты?

– Да. Вопрос – чьи?

– Сейчас увидим. На всякий случай пусть бойцы будут готовы. Лейтенант?

Владимир кивнул, побежал на обратный склон, где выстроилась колонна, махнул рукой застывшему первым бронетранспортёру:

– Готовность номер один! Похоже, придётся подраться.

Замер на месте, обернувшись назад, к вершине холма, но оттуда уже спешили оба майора:

– Океанцы. Каратели!

– Хвала богам, немного. Человек триста. Не больше.

Донеслись далёкие выстрелы, похожие на треск разрываемой парусины. Рублёв махнул рукой, запрыгивая в КШМ:

– Пошли, ребята!..

Взревели двигатели, и все боевые машины двинулись, набирая скорость. Звонарёв командовал в одной из восьмидесяток. Устроившись на месте командира, он принял к триплексу. Но из-за расстояния было мало чего видно, а шум двух моторов глушил звуки боя. Но вот из-за стены невысоких домиков в небо потянулся дым пожара. Разбрызгивая лужи от недавнего дождя рубчатыми колёсами, бронированная машина ворвалась в город. Спешащие навстречу беглецы в ужасе бросались в огороды и садики, валились в канавы, а водитель, повинаясь приказу, увеличил скорость. Бойцы без приказа открыли бойницы, выставили стволы, надев на ствольные коробки отражатели. Спohватившись, Владимир рявкнул в ТПУ:

– Паровоз в первую очередь!

– Понял! – послышался ответ старшего стрелка БТРа, и тот крутанул штурвалы наводки, пробуя вращение башни.

– Выскочишь на площадь – стопори!

Механик-водитель кивнул в знак того, что услышал, наклонив упрямо голову в ребристом шлеме. Оставалось немного, и тут по броне словно сыпанули горстью камешков. Кто-то открыл огонь по машине. Безуспешно. Броня держала пули винтовок, находящихся на вооружении местных, практически с любой дистанции. Треснула первая очередь десантников, и почти тут же гулко заработал башенный КПВТ. Небольшая, на пяток патронов трасса прошла котёл насквозь, и оттуда хлестнули тугие струи пара. Спустя мгновение из кабины вывалилась беззвучно раскрывающая рты за грохотом автоматов и ПКТ бригада, тут же рухнула на землю – кто-то рефлекторно снял их. Океанцы, не ожидавшие такого отпора, растерялись, и бойцы не упустили момента, выкашивая их целыми отделениями и взводами. Тяжёлые пули жуткой машинки Владимирова рвали интервентов на части, разбивали рельсы, кололи колёсные диски вагонов, изготовленные из закалённого металла. Минута. Всё стихло. В радиии прошуршало:

– Десант на зачистку.

Звонарёв машинально продублировал полученную от командира команду. Люки откинулись, и, привычно пригибаясь, экипаж покинул броню, перебежками, прикрывая друг друга, метнувшись к изуродованному составу. Владимир чуть помедлил, затем, проверив штатный пистолет в кобуре, прихватил свой автомат и тоже выбрался наружу. Только через свой люк. Спрыгнул с брони на землю, чертыхнулся – угодил в кучку засохшего до белизны навоза.

Щёлкнул одиночный выстрел, и молодой человек рефлекторно присел, одновременно снимая JS с предохранителя и выставляя интегрированный ствол вперёд. Тревога оказалась ложной. Кто-то из десантников просто добил раненого с оторванными ногами. Чего зря мучиться? Лейтенант равнодушно выпрямился, взглянул на наваленные холмами трупы различного времени, потом полез в карман. Вытащил сигарету, закурил. Постучал по броне, разрешая водителю тоже перекурить. Послышался шум двигателей, на площадь вынырнули остальные броневики. Рублёв и Ковалёв не спеша выбрались из КШМ, равнодушно покосились на зачищенный эшелон, подошли к Владимиру:

– Всё?

Молодой человек махнул рукой:

– Дочищают.

- Ну и ладно. Как закончат, ставьте тут охрану, поищите персонал. Пусть приберутся. Рублёв повёл рукой в сторону ошмёток тел:
- Намусорил ты сильно.
- Так деваться некуда было, товарищ майор...
- Потому и не ругаюсь. Пленные есть?
- Звонарёв зябко передёрнул плечами:
- Не уверен... Но если кто уцелел, ребята приведут. Только я в океанском ни бельмеса.
- Разберёмся. – Рублёв шагнул было к КШМ, но обернулся: – Неплохо сработано.
- Владимир сплюнул:
- Разве это вояки? Бараны...
- Ну-ну, – неприятно удивился Ковалёв. – Не зазнался ли ты, парень?
- Звонарёв нахмурился:
- Есть с чем сравнить, товарищ майор. Так что знаю, о чём говорю.

Глава 4

Лязгнул сбитый засов, забренчал, раскачиваясь на кривом гвозде. Звонарёв удивился – всё на соплях держится. Вошёл в пыльный, донельзя грязный кабинет бывшего начальника станции, осмотрелся. На стене обязательный когда-то портрет почившего государя, безвольного, слабого человека. Комья засохшей до окаменелости грязи на полу, пятна крови на стене, простреленный в нескольких местах мягкий стул. Лавки для посетителей вдоль стен, разошедшиеся, покрытые остатками лака. Полуотставшие от стен обои неопределённой расцветки свисали большими неопрятными лохмотьями. Удивительно, что оконные стёкла целы. На столе – огромный неуклюжий ящик примитивного телефона, или, как тут говорят, голосового телеграфа. Правда, жить аппарат приказал долго и счастливо – выбитая панель с грибообразными звонками, внутри виднелось опалённое месиво оборванных проводов. Шкафы с распахнутыми дверцами и выброшенными из них бумагами. Чудом уцелевшая карта дистанции и участка станции. Подошёл к ней, присмотрелся, вспоминая зазубренные буквы. Так-так... Депо. Надо обязательно проверить. Стрелки. Тоже. Водокачка... Вдохнул – всё надо осмотреть, оценить работоспособность, восстановить, если повреждено или, того хуже, уничтожено... Пискнула рация в кармашке разгрузки, привычно ответил:

– Звонарёв, слушаю.

– Как ты там, лейтенант?

Прислонился к узкому подоконнику:

– Осматриваюсь.

– Как понятно, хорошего мало?

– Точно сказать не могу. Но, судя по кабинету начальника, точнее, бывшего начальника станции, хорошего нас ждёт очень мало. – Внезапно осенило: – Товарищ майор! Можно тут народ на работу нанять?

В мембране хихикнули:

– Что такое?

– Тут же депо, пути, стрелки. Нужны рабочие везде. Да и в порядок вокзал привести надо бы, а то везде мусор, грязь! Тут в зале ожидания лошадей, похоже, держали. Ну и вообще, как-то местных надо в чувство приводить.

Снова отчётливый смешок, потом Рублёв уже серьёзным тоном ответил:

– Действуй. Если кто появится, пусть шлёпают в городское собрание. Тут тоже... Бардак... Мы сейчас выйдем на связь с нашими, так, может, сможем что выпросить. И это, первый взвод отправили на окраину. Второй начинает патрулировать улицы. А ты пока напиши или напечатай на принтере листовки, мол, господа-граждане, не бойтесь нас. Армия Нуварры прибыла к вам по просьбе её величества и так далее... Ну, ты помнишь: листовка номер два в директории «Агитация».

Владимир повеселел:

– Сделаем, товарищ майор. Сейчас оформлю.

Оторвался от подоконника, спрятал рацию в карман, потом выругался – всё заднее место стало серым, скрывая пятна камуфляжа толстым слоем. Принялся отряхивать на ходу, вздымая новые клубы пыли. Выбрался на крыльцо – бойцы собрались у БТРа и перекуривали, перекидываясь ленивыми фразами.

– Так, слушай приказ командования.

Ребята быстро подобрались, потому что Вовку пусть пока не очень уважали, но слушали беспрекословно.

– Сейчас надо найти местных. Человек пять женщин. Возраст не важен. Главное, чтобы на ходу не рассыпались. Пусть начнут мыть комнаты вокзала. Старшина, начни с помещений,

пригодных для размещения личного состава. Ну и мне комнатуху. Дальше: нужны мужчины из местных. Сами видели, что внутри делается. Пусть выгребают. За работу заплатим продуктами. Так и скажите.

– А как мы скажем? Мы же по-ихнему ни бум-бум, – слышался чей-то голос.

Владимир спохватился:

– Точно. Тогда тащите сюда. Я сам скажу. – И вспомнил: – Да, старшина, надо сгонять кого-нибудь к городской управе, где пушки стояли, и забрать из КШМ мой ноут, принтер и генератор. Ну и бумаги пару пачек.

Боец кивнул:

– Сделаем. Что-то ещё?

Гонять солдат клеить листовки по городу? Коротко усмехнулся:

– Если найдёте по дороге пару-тройку пацанов, агитацию клеить – только спасибо скажу. – Полез снова за рацией, вызывая начальство. Но оно молчало. Видимо, тоже раздавало указания. Вздыхнул, отвернулся к зданию, рассматривая неуклюжее на его взгляд, небольшое деревянное строение высотой метров восемь под куполом из тонкой доски. – Хорошо хоть, большое.

Бойцы принялись активно выполнять приказания старшины. Владимир потянулся было за сигаретами, но отдернул пальцы. Успеет ещё. Сейчас надо наверх подняться. Точка высокая, далеко видно. Не хуже, чем с местной пожарной каланчи. Едва взобрался наверх по безбожно скрипящей лестнице, как внизу отчаянно замахал руками кто-то из бойцов, заорал:

– Товарищ лейтенант! Нашли!

Чертыхнулся, зашпешил вниз. Потом спохватился: а что нашли? Когда вылетел из двери, понял. С десяток довольно тощих на вид мужчин в простой одежде мастеровых. Довольно потёр руки: на ловца и зверь бежит. Придал себе солидный вид, уже не спеша приблизился к аборигенам, подталкиваемым Громозекой – такое прозвище носил громадный, величиной с двух обычных людей сержант-пулемётчик взвода. Поправил на ходу висящий на шее автомат, отчего пойманных просто перекосило, тронул форменную кепку, проверяя ровность кокарды. Подойдя ближе, привычно козырнул, вжав ладонь под обрез головного убора:

– Здравствуйте, уважаемые жители города Гарова.

В ответ кто-то хмуро протянул:

– И вам не хворать, господин военный...

Вовка усмехнулся:

– Военный. Действительно. Только вас сюда не затем привели, чтобы воевать. Мы тут немножко намусорили... – Ткнул пальцем за спину, где громоздились трупы океанцев, скрываемые зданием вокзала. – В общем, прибраться надо. Вывезти дерьмо куда подальше. Что у них найдёте, кроме бумаг и оружия, естественно, ваше. Лошадей от управы сейчас пригонят. Телеги, думаю, найдёте. Как закончите, заплатим. Продуктами. Ну и покормим, пока работаете у нас.

Мужчины переглянулись:

– Это как?

– А так. Каждый труд должен быть оплачен. Не хотите продуктов – заплатим деньгами... – Пошарил в кармане, нащупал горсть медных монеток, отчеканенных специально для такого случая, показал: – В общем, вам решать. Либо еда, либо медь.

Рабочие переглянулись. Один прохрипел:

– Тут, господин хороший, поглядеть бы надо, много ли работы, может, нам ещё помощь понадобится...

– Сходи да глянь.

Тот было дернулся, но Владимир остановил его вопросом:

– У тебя желудок как, крепок, дяденька?

– А что? – Мужчина нахмурился.

– Океанцы там. Сотни три. О них речь. Так что если выдержишь – давай. А если нет – здание почистить надо. Мусор выгрести, вывезти или сжечь. В порядок комнаты привести, починить двери, люстры восстановить. Да мало ли работы найдётся...

Как нельзя вовремя снова появился старшина, конвоирующий десяток перепуганных, в крови пленных интервентов. Ещё издали замахал:

– Лейтенант! Вот, нашли за насыпью!

Звонарёв довольно потёр руки, потом обратился к застывшему в изумлении мастеровому:

– Видишь, дядя, повезло тебе. Есть кому мертвецов убирать. Так что давай, бери своих друзей и здание прибирай да чини. Ну и об оплате подумай.

Гаровец нервно сглотнул, потом осипшим голосом протянул:

– Э... господин хороший... может, ещё кто на подмогу подойдёт? Вокзал большой, работы на всех хватит... А то нам тут на неделю, ежели запрягёмся...

Владимир равнодушно пожал плечами:

– Ещё десяток веда. Да если найдёшь женщин, тоже можешь прихватить.

Мастеровой было нахмурился, но человек спокойно закончил фразу:

– Если сам полы мыть будешь, то не надо. Кем раньше-то был, дядя?

Тот снова нахмурился:

– Слесарь я. Из депо.

Звонарёв оживился:

– Вот ты-то мне и нужен. Остальные с тобой – тоже из депо?

– А что?

– А то! – передразнил офицер. Потом вспомнил, что всё-таки тут своя специфика, ответил нормальным тоном: – Людей набираем. В депо. Восстанавливать пути, подвижной состав, когда пригоним. На уборку улиц. В пожарную часть. Все нужны. И чиновники, и обслуга, и мастерские всех специальностей. Скоро стройку начнём. Так что, любезный, прогуляемся мы с тобой вон к тому бревну, и поведаеть ты мне, в каком состоянии депо сейчас находится.

Мастеровой снова сглотнул, пытаясь осознать услышанное. Потом кое-как выдавил:

– Чтой-то я вас не пойму, ваше высокоблагородие, не разберу звание, уж простите. Вы что, сюда не налётом?

Звонарёв усмехнулся:

– Каким налётом? Как банда, что ли?

Человек кивнул в ответ, испуганно дёрнулся, сообразив, что ляпнул. Но лейтенант, не обращая внимания на сжавшегося мастерского, спокойно и внушительно произнёс:

– Не налётом. Мы – гарнизон Гарова. И отвечаем за порядок в городе перед своим начальством.

– А... начальство кто у вас, ваше высокоблагородие?

Новая усмешка на лице молодого гиганта, потом спокойный и чёткий ответ, услышав который мастерской не поверил своим ушам:

– Её императорское величество Аллия Вторая. Законная правительница Руси.

– И... и... им...

– Да. Её императорское величество Аллия Вторая. Она самая.

Рабочий нахмурился:

– Говорили, что свободовцы её и дочек ейных...

– Ввали. Императрица была спасена верными офицерами и переправлена к нам, в Нуварру. А теперь настало время вернуться, дядя. Так что давай выкладывай, в каком состоянии депо?

...Майор Рублёв был доволен – пока всё складывалось удачно для спецотряда. Быстрое, практически мгновенное уничтожение отряда карателей, расстрелянного из пулемётов бронетранспортёров. Довольно спокойное, без эксцессов поведение жителей города, покорно принявших появление военных. Вечером он проехал по городу, отметив множество белеющих на столбах и заборах листовок с заранее подготовленным, ещё на Базе, текстом. Дела у лейтенанта, похоже, шли неплохо. Подумав, Пётр Георгиевич приказал двигаться к вокзалу, где размещался взвод лейтенанта. Ну или должен был...

В ярком свете установленных прожекторов кипела работа. Лейтенант, размахивая руками, что-то объяснял большой группе аборигенов в простой одежде. Те внимательно слушали, привычно держа шапки в руках. Из здания ежесекундно выскакивали люди с носилками, на которых лежал разный мусор. Стучали молотки, визжали пилы, тюкали топоры. Из-за здания выехала длинная телега, запряжённая парой лошадей. Так вот куда исчезли артиллерийские лошади! Не успели толком осмотреть здание управы, как коней и след простыл. Подслушался Звонарёв. Впрочем, как обычно в армии.

Подойдя ближе к двигающейся повозке, краем глаза уловил очертания тел под брезентом. Понял, куда понадобился транспорт, успокоился. Подошёл поближе к толпе внимающих речи лейтенанта на русском, прислушался. Чешет парень складно и бегло, как на родном русском. Уловив передышку, решительно шагнул вперёд. При виде командира Владимир смешался, сделал непонятный жест рукой, чисто машинально, потом торопливо что-то произнёс, после чего русийцы начали быстро расходиться.

– Добрый вечер, товарищ майор.

– Вольно, лейтенант. Докладывай.

Тот пожал плечами:

– Убираем, чистим, моем. Завтра начнём приводить в порядок депо. Кстати, товарищ майор, там есть большой склад, пустой, можно его приспособить пока под кинотеатр. Прокрутить, так сказать, им агитационные фильмы. Зря, что ли, наши спецы старались?

Рублёв кивнул. Затем повёл рукой в сторону уничтоженных океанцев:

– Много там ещё?

– Основное вывезли. Ещё пара ходок – и всё.

– Местные стараются?

– Нет. Пленных взяли, десяток. Всё, что можно, вытряхнули, а после направили на уборку трупов. Местных привлекать к такой работе как-то...

Майор рассвирепел:

– Почему не доложил о пленных, мальчишка?!

– Вы океанский знаете, товарищ майор?

Осёкся.

– И я нет. И никто из знакомых нам тоже не знает. А сами они молчат. Документы все в штабе. Так что пусть работают. Закончат – отправим к вам.

А ведь прав лейтенант. Мы, как те японцы, что на европейские корабли влезли втихаря, все разговоры подслушали, все бумаги скопировали, а толку – зеро. Потому что ни грамоты, ни речи заморской не разумеем.

– Ладно. Проехали. Но впредь так не делай.

– Я понимаю, товарищ майор...

Помолчали. Из здания вышла пожилая, но ещё крепкая женщина в тёмной одежде, выплеснула грязную воду из ведра, сунула пустое кому-то из вертящихся вездесущих мальчишек, что-то сказала. Тот кивнул, умчался. А она прислонилась к стенке, вытирая руки фартуком.

– Ого! И с ними договорился?

Звонарёв вдруг смутился:

– Тут людей бы покормить, товарищ майор. Мы в обед с теми, кто в первую партию попал, своими пайками поделились. Так такая толпа набежала, как узнали... А сейчас уже дело к ужину.

Рублёв усмехнулся:

– Повезло тебе, лейтенант, что есть такой майор Ковалёв у меня в заместителях. Он уже давно всё выяснил, и скоро... – Взглянул на часы. – Точнее, минут через десять сюда полевая кухня придёт. И твоих накормим, и народ оделим.

Лейтенант облегчённо вздохнул:

– Хвала богам, товарищ майор, а то я уже и не знал, что делать... А насчёт завтра как? Я почти сто человек набрал депо восстанавливать. Все – бывшие железнодорожники, мастеровые люди. И, кстати, там, в депо, стоят два паровоза. Только не на ходу. Ремонт нужен.

– Инженера я пришлю. И продуктов подкину. Сто, говоришь?

Лейтенант кивнул.

– Заявлю расход на кухню. А что вообще люди говорят? Я вижу, ты с ними успел пообщаться?

– Успел. – Буквально выдернул из пачки сигарету, дрожащими руками прикурил, сделал глубокую затяжку.

Едва ли не четверть сразу. – Плохо, товарищ майор. Очень плохо. Продовольствия в городе практически нет. Власти тоже. Всю зиму город грабили. То одни, то другие. Много народа убили просто так. Кое-кого увели с собой. В основном девчонок молодых да красивых. И с концами. Рублёв кивнул: обычная история.

– Правда, океанцы только сейчас явились. Так что, можно сказать, мы их спасли. Соседние городки почти все уже пожгли, а людей – кого убили, кого угнали неизвестно куда.

– Ясно...

– Вопрос разрешите, товарищ майор?

– Спрашивай, Володя.

– А что с теми русийцами, что до нас были?

Рублёв вздохнул:

– Похоже, банда. Обычная банда. Просто прикидывались военными. Завтра после завтрака и развода людей приезжай в управу. Вместе допросим.

Лейтенант кивнул. И вдруг просиял: на площадь, порывкая двигателем, плавно въезжал «додж», тянувший за собой дымящую полевую кухню, испускающую невероятные ароматы.

...Гаров менялся на глазах. Буквально в течение недели исчез мусор с улиц, начался ремонт зданий, заработали городской водопровод и канализация. Нуваррцы поддерживали жёсткий порядок в городе – одна из желающих пожить в окрестных бандах, привлечённая слухами о том, что в городе появилось продовольствие, была безжалостно уничтожена до последнего человека. Кроме восстановления городского хозяйства пришельцы начали огромную, по местным, разумеется, меркам, стройку за городом. Пока ничего существенного, просто разравнивали и трамбовали большое поле. Подо что? Единственный среди них офицер, который знал русский, лишь загадочно улыбался, а остальных было спрашивать бесполезно. Жители города наконец вздохнули с облегчением за последний год с небольшим, минувший после смерти императора.

Что удивительно, после показательного разгрома океанцев, те больше не совались в Гаров по непонятным причинам. То ли не было сил, то ли исчезновение столь большого отряда не на шутку перепугало интервентов. Впрочем, никто не сомневался, что рано или поздно те снова попытаются взять город под контроль. Но огромные, невероятно мощные бронеходы нуваррцев внушали уважение всем, кто их видел. Да и сами бойцы тоже впечатляли – рослые, широкоплечие, увешанные смертоносным, никогда не виданным прежде оружием, одетые в пятнистую форму, скрадывающую их очертания на местности, с движениями настоящих хищников.

Любой мало-мальски сведущий в военном деле только при одном взгляде на этих солдат понимал, что равным им среди русийцев или океанцев, впрочем, как и военных других держав, просто нет. Чего стоили только их тренировки, когда те по утрам, после пробежки в несколько вёрст длиной, занимались в сооружённом спортивном городке на диковинных снарядах, тренировались в рукопашном бое, крушили голыми руками и ногами кирпичи и доски, вызывая невольный страх и восхищение среди тех, кто наблюдал за этими показательными выступлениями.

Единственным непонятным было только то самое поле. Впрочем, вскоре загадка прояснилась, поразив всех до глубины души. Одним прекрасным утром последнего месяца лета рассветную тишину взорвал непонятный гул. А потом на поле начали один за другим садиться летающие корабли. Заходя на посадку на огромной скорости, влекомые сверкающими в лучах прозрачными кругами, машины аккуратно касались ровной земли, некоторое время пробегали по плотно утрамбованному грунту, затем гасили скорость и ровными рядами выстраивались у кромки поля. Из прибывших кораблей, больше похожих на птиц с застывшими крыльями, выгружались люди в различной форме, вытаскивали ящики с неизвестным содержимым и сразу принимались за свои дела. Военные быстро строились по подразделениям и уходили в город. Другие – тут же начинали монтировать нечто непонятное.

На следующий день в Гаров прибыла колонна самоходных карет. Только вот на все известные русийцам самодвигатели их техника не походила. Она буквально дышала уверенностью и надёжностью, внушая уважение одним своим видом и мощностью: вместительные платформы, переполненные грузами, длинные цистерны вместимостью в сотни, если не тысячи бочек, массивные прицепа, на которых застыли совсем уж запредельные монстры в защитной зелёной окраске с неимоверного калибра стволами орудий в массивных металлических башнях.

Но самое главное – в городе наладилось снабжение. Совсем как в прошлом, открылись магазины и лавки, в которых можно было приобрести любые продукты, а иногда и вовсе неизвестные фрукты и овощи. Кроме того, чужаки при помощи своих машин почти мгновенно, по понятиям аборигенов, вспахали окружающие город поля, превратившиеся было в пустоши, кроме тех, на которые нашлись владельцы, подтвердившие свои права чудом сохранившимися у них документами. Но больше всех были поражены рабочие мастерских и депо. С самого начала рабочий день у них был очень жёстко регламентирован восемью часами, что оказалось просто неслыханным. Даже при императоре его длительность была произвольной, но не менее двенадцати часов. Кроме того, еженедельно полагалось два, а не один выходной. И начали пришельцы не с работы по восстановлению забытых в депо двух старых, изношенных до предела паровозов, а с восстановления цехов. Прежде всего, их вычистили до чуть ли не стерильного состояния, подготовив к реконструкции. Прорезали новые, огромные окна, укрепив стены дополнительной кладкой и перекрытиями. Затем, пока часть людей занималась покраской и установкой рам в оконные проёмы, остальные сняли все входящие в депо рельсы и заново подготовили основание под них, одновременно проложив целую кучу труб непонятного предназначения. Впрочем, вскоре выяснилось, для чего это делалось, когда в каждом цехе появились ватерклозеты, как в самых дорогих домах, и настоящее чудо – санитарные комнаты, в которых после работы можно было помыться горячей водой и домой идти уже чистым, в обычной одежде. Часть же труб, как объяснил офицер нуваррцев, будет отапливать цеха, когда наступит зима. Рабочие pokrutilи головой, поскольку подобное было из области сказок, и решили промолчать. Мол, языком молоть мы все умеем...

Пока шли работы по реконструкции производства, приехавший с военными инженер обследовал паровозы и вынес свой вердикт: отремонтировать нельзя. Лучше на их основе построить заново. С чем слесари и прочие были совершенно согласны. Правда, засомневались: ведь нужна литейка. Металл. Станки. Допустим, кое-что есть в мастерских. Но всё разбито,

устарело, проржавело... Нуваррец же не сдавался. Он пригнал один из прибывших с военными фургонов прямо в мастерские и, когда рабочие до последнего винтика разобрали имеющееся в наличии оборудование, заставил их отчищать всё от ржавчины и готовить новые основания под будущие восстановленные станки. Долбили ямы, заливали их серой глиной пришепцев, становящейся после затвердения словно камень. А инженер, учащийся русийскому языку буквально на глазах, в своём фургоне изготавливал пришедшие в негодность винты, болты, шестерни. Словом, древнее оборудование обретало новую жизнь. И даже самые недоверчивые чесали затылки, глядя на сверкающие новеньким металлом и свежей краской преобразившиеся, когда-то ржавые и почерневшие грубые станки, совсем не похожие на себя прежних.

Ну и самое главное на тот момент – нуваррцы платили за работу, а не просто загоняли людей отбывать повинность. По окончании рабочего дня каждый работник получал аккуратную коробку из грубой толстой бумаги с непонятными обозначениями, в которой были три банки консервов по фунту каждая – одна с чистым мясом и две мяса с кашей из непонятных, но очень вкусных и питательных круп, несколько упаковок чёрных сухариков, пакетик чёрных каких-то высушенных листьев, которые нужно было заваривать кипятком, а также большое количество сахарного песка, уже давно забытой роскоши. После того, как снабжение наладилось, людям предложили на выбор – либо всё ещё продукты, либо деньги, которыми теперь можно было расплачиваться в любой торговой точке чужаков, либо пятьдесят на пятьдесят: день продукты, а день – деньги. Большинство перешли на последний порядок оплаты. Потому что в отличие от прежних, превратившихся в фантики, денежных знаков, новые принимались в любом месте Гарова без возражений. Да и цены на товары и продукты напомнили золотое время правления императора.

Прослышав, что в городе появилась крепкая власть, потянулись на разведку и окрестные крестьяне. Вначале пешком, изо всех сил стараясь выглядеть горожанами. Впрочем, чужие военные никого не обижали и позволяли спокойно разгуливать везде, кроме нескольких мест. Потом один отчаянный хуторянин привёз на продажу зерно. Нуваррцы поинтересовались, почему именно зерно, а не муку. Выяснилось, что мельницы в округе нет, единственная большая сгорела, и теперь на руках только примитивные крупорушки, которыми много не наделаешь. И всё. Уже приготовившемуся расстаться с товаром и, вполне возможно, с жизнью крестьянину пожелали удачной торговли и просто ушли, оставив того с открытым ртом. Правда, взяли плату за разрешение на торговлю. Но столько, что тот не смог вымолвить ни слова, узнав её величину: из десяти привезённых им мешков чужаки забрали всего лишь одно ведро, одну сороковую часть зерна, сообщив ему, что размер платы будет всегда именно таким. Ну а если сельчанин пожелает, то может платить деньгами. В обиде никто не будет. Удивительно, но, продав, а главное, купив всё необходимое в городских магазинах, хуторянин спокойно уехал восвояси. Без всяких обид или тем паче грабежа или реквизиции.

И в город потянулись торговцы, продающие мясо, птицу, зерно, крупы. В обиде не оставался никто. Уж гвозди, подковы, дёготь, шкворни и прочие необходимые в любом хозяйстве промышленные товары, такие как обувь, одежда, инструмент, а также соль и разные специи, в Гарове приобрести теперь проблем не составляло. К тому же в округе стало удивительно тихо, словно всех бандитов, прежде буквально наводнявших окрестности, повывели. Впрочем, так оно и было. Группы нуваррцев каждый день уходили из города на зачистку. Только вот свидетелей их «работы» не было. Все оценивали лишь результат, а тот был виден всё лучше с каждым днём.

Глава 5

Итак, господа, вынужден констатировать, что в нашу операцию вмешалась третья сила. В наступившей внезапно тишине председатель Большого Круга опустился на своё место. Несколько мгновений – и затем прозвучал голос Второго:

– Что значит «третья сила»?!! Почему НАМ об этом ничего не известно?

– Почему неизвестно? Кое-какие слухи доходили. О некоей Нуварре, – зло ответил Пятый.

– Именно что слухи! Какое-то государство, никому не известное, никем не посещаемое. За всё время наши люди видели лишь двоих представителей этой страны. И, похоже, те двое – обычные мошенники! – вновь высказался Второй.

Председатель презрительно сплюнул в горящий костёр. Открытое пламя посреди зала, ряд кресел вокруг сложенного из грубых камней очага – всё это уходило в незапамятные дебри времён. Говоривший, осекшись, испуганно втянул голову в плечи и замолчал.

– Пятый, что вам известно? Расскажите всем, в том числе и уважаемому Второму.

Человек в высоком жёстком колпаке, украшенном рогами неизвестного животного, кивнул.

– Итак, господа, Нуварра. Мы знаем, что это не настоящее название страны, а всего лишь русийская адаптация. Истинное имя государства пока, повторяю, пока никому не известно. Далее... – Он сделал короткую паузу и продолжил, на мгновение склонив голову в сторону оппонента: – Впервые мы задумались о том, что это за страна, когда в один из портов Руси вошёл неизвестный транспорт под совершенно незнакомым флагом. Это событие могло пройти незамеченным, если бы не одно большое НО – величиной корабль превышал самые большие броненосные корабли Императорского русийского флота...

По собранию прокатился лёгкий гул. Разноцветные колпаки задвигались, но вскинутая вверх перчатка, украшенная стальными когтями, заставила всех замолчать.

Пятый благодарно наклонил голову в сторону главенствующего и заговорил вновь:

– Именно по причине своей невероятной величины транспорт не смог войти в бухту, кинул якорь на рейде, выгрузил своих пассажиров, свыше ста человек, а также множество одинаковых металлических ящиков на местные баржи, и так и остался стоять у входа в бухту. Заплатив начальнику порта за стоянку и поставку воды и продовольствия на корабль, эти люди двинулись в глубину страны. Затем след основного количества высадившихся теряется, и в Руси остаётся вначале лишь один человек, называющий себя эрцом Нуварры Миххом Брум, и время от времени к нему с Родины приезжает якобы сын, Влад Брум. Оба нуваррца превосходно владеют русийским, но все разговоры между собой ведут на совершенно незнакомом языке, по заключению экспертов, не имеющем ничего общего ни с одним из известных в нашем мире. Эрц покупает себе дом в столице, у некоего барона Дольма, и полностью его перестраивает. По свидетельству очевидцев, все работы производились нуваррцами. И доступа к ним ни наши люди, ни русийцы не имели. Достоверно известно одно: здание было абсолютно автономно. Электричество, тепло, вода – всё поступало из неизвестных источников. Невероятно звучит, но тем не менее это факт. Кроме того, по некоторым, к сожалению, слухам, в доме этого эрца находилось множество различных устройств, приводимых в действие электричеством, что позволяло тому содержать в доме всего лишь пять, а под конец – шесть слуг. В том числе и двух женщин. Прошу прощения, господа... – Пятый налил в высокий узкий стакан воды, достал длинную трубочку и, воткнув её в маску, жадно осушил ёмкость. Затем, облегчённо вздохнув, продолжил в полной тишине, нарушаемой лишь потрескиванием пламени: – Кроме того, эрц разъезжал по столице Руси на самодвижущейся повозке, которой управлял

лично, не нанимая извозчика. И, господа, этот самодвигатель был просто невероятен! Его технический уровень превосходил всё известное, и даже наши разработки!

Все опять загудели. Но тут же затихли, ожидая дальнейшего рассказа. И, снова напившись, Пятый продолжил:

– Именно тогда наши люди в столице заинтересовались нуваррецом всерьёз и даже предприняли попытку под видом ограбления обыскать его особняк... Увы, господа. Больше их никто никогда не видел. Ни живых, ни мёртвых. К тому же тогда участились подобные случаи исчезновения людей, поскольку наши «заговорщики» уже всю готовились к убийству русского царя. Им было не до расследования. Тем более что агенты, завербованные за сущую мелочь, относились к местному криминалитету. И, как показало дальнейшее, это оказалось ошибкой. – Докладчик покосился в сторону председателя и добавил тоном ниже: – И, думаю, для наших планов насчёт Руси – роковой, господа...

Снова гул и вскинутая когтистая перчатка.

– Как вы знаете, господа, всегда существуют глупцы-идеалисты, которые выше денег и власти ценят такие никчёмные понятия, как честь и совесть. Трое из них умудрились выкрасть императрицу Аллию с детьми из-под самого носа наших агентов влияния, успешно перед этим убивших императора и взявших власть в свои руки. И куда же, вы думаете, эти идиоты направились? Естественно, к эрцу Нуварры. Мы проследили их путь и не ошиблись. Но нуваррец обманул все наши ожидания. Он просто отказался разговаривать с беглецами, и те были вынуждены покинуть его дом, не получив ничего. Ни убежища, ни денег, ничего, господа. Мы всё контролировали, и наши люди клянутся, что тот бросил буквально две-три фразы и вернулся в свой особняк. Четверо суток он не выходил из дома вообще...

– Может, его не было? Он тайно вышел и помог беглецам скрыться?!

Пятый вскинул руку, призывая Двенадцатого к молчанию.

– Мы следили за домом всё время. Несколько раз за эти дни видели эрца в окне. Он просто не выходил. Но тут выяснилось, что отправленный в погоню за беглецами отряд был полностью уничтожен. Поверьте, господа, что три человека не могут уничтожить сотню без вреда для себя. Но двое из троих помогающих были позднее замечены пробирающимися на юг, причём живыми и здоровыми. Третий же исчез бесследно. Впрочем, как и императрица со своими дочерьми. Мы решили послать к эрцу одного из своих агентов влияния в новом правительстве Руси. Тот вернулся напуганным и наотрез отказался разговаривать с нами. К тому же заговорщики вообразили, что могут обойтись без нашей помощи, и нам пришлось задействовать запасной вариант, «Свободный труд»... В то время была сделана ещё одна попытка прощупать эрца силовым методом. Одна из местных банд искусно наведена на его особняк... Увы, господа. Нуваррец их просто перебил. Всех до одного. Мы пытались шантажировать слуг, но это не помогло. И тогда один из наших лучших агентов, Хьяма Антирц, пошла к нему для откровенной беседы... Больше её никто не видел. К тому же в столицу явились снятые с фронта части армии, и наша последняя попытка захватить власть в Руси потерпела крах. По донесениям немногих уцелевших агентов, Михх Брум тесно контактировал с главным военным полицейским Триумвирата неким Петром Рарогом. Даже давал ему очень любопытные советы и помогал в организации аппарата военной полиции. Тогда-то и стало известно, что в доме Брума была замечена живая Хьяма Антирц и жена одного из убитых заговорщиков, устранивших императора, баронесса Аора ун Ангриц с дочкой...

– Почему же Хьяма не попыталась бежать или передать имеющуюся у неё информацию? – теперь не выдержал сам председательствующий.

Пятый почтительно склонил голову перед высшим:

– Непонятно, господин. То ли её запугали, то ли агент посчитала, что покинуть Брума опасно для её жизни.

– Её не перевербовали?

- Уверен – нет. Ни наши люди, ни явки, остававшиеся в столице Руси, не были тронуты.
- А чем объяснить такие большие потери агентов?

– Военным помогли. И их очень жёсткие, просто неожиданно жестокие действия вызвали растерянность и шок. Тогда мы и понесли самые большие потери.

– Тогда понятно, почему агент не стал выходить на связь. Дом Брума на тот момент был самым надёжным убежищем. Кстати, Пятый, почему вы всё время говорите о доме нуваррца в прошедшем времени? Предположительно... Непонятно... Невероятно... Столица же под нашим контролем. Так что вам мешало проверить дом?

Пятый вновь склонил свой колпак:

– Господин, части, вошедшие в столицу, имели чёткие инструкции: особняк должен быть захвачен целым и невредимым, а все и всё, находящееся в нём, не должно понести ни малейшего вреда. Увы. Один из слуг Брума, мажордом, как утверждали очевидцы, открыл огонь по солдатам. Те, прикрываясь щитами, тем не менее выполняли приказ, неся потери...

– Сколько?

– Двенадцать, господин. Старик уложил двенадцать граждан Океании!

– Потом?

Пятый вздохнул:

– А потом и особняк, и всё, что в нём было, взлетело на воздух... Не осталось ничего, кроме огромной воронки. По докладам экспертов, для взрыва использовалось не менее пяти тонн пироксилина. Старик расстрелял все патроны, а потом привёл в действие адскую машину.

В повисшей тишине прозвучало злое ругательство. Затем председатель шевельнулся:

– Что-то ещё?

Пятый склонился:

– Да, господин. Удалось узнать, что Рарог, тесно контактирующий с Брумом, собрал обоз и двинулся на юг. Командующий Анурц, помня о приказе, выделил один полк и отправил его в погоню за беглецами. Тем более что среди тех был и сам Брум. Все ушли в Степь. И... Следы тех и других теряются. Последнее сообщение от командира полка, посланного в погоню, извещало, что они загнали русийцев и нуваррца в ловушку и начинают захват... И последнее... – Говоривший снова осушил стакан воды. Затем, взглядом испросив разрешения и, естественно, получив его, закончил повествование: – Полтора месяца назад в Руси вновь объявились нуваррцы. Их войсковое подразделение взяло под контроль область Гарова.

– Что значит «взяло под контроль»? Поясните, Пятый.

– Это значит, что они полностью контролируют указанный мной район. На территории губернии установлен порядок, дисциплина, восстановлены все службы, работают все предприятия и, самое главное, полностью отсутствует всякая возможность как-то повлиять на их деятельность.

– Армия?

Пятый с досадой вздохнул:

– Я же сказал: всякая возможность. Наши агенты выявлены и увезены в неизвестном направлении. Армия... Господа, нуваррцы превосходят нас во всём, особенно в технике. Насколько мне известно, среди них ещё нет потерь. Вообще. А мы потеряли, включая поисковый полк, свыше пяти тысяч человек. Самое страшное, господа, что они освоили воздух. Причём так, что мы даже не можем себе представить! У них есть летающие машины, передвигающиеся с невероятной скоростью по воздуху и могущие при этом нести людей и колоссальные объёмы груза. В том числе и взрывчатые вещества. А по последнему донесению агента в Гарове, они пришли в Русию по просьбе якобы воскресшей императрицы Аллии. Для восстановления законной власти династии...

– У вас всё, Пятый?

– Да, господин.

Председатель протянул к огню внезапно озябшие руки.

– Ваши предложения, господа?

– У меня есть дополнения, господин, – откликнулся со своего кресла Третий.

– Говори.

Тот слегка севшим голосом заговорил:

– Военные жалуются, что коммуникации со стороны Глубокого океана почти полностью перекрыты. Они не могут получить ни пополнения, ни снабжения. Суда исчезают бесследно, не подав никаких вестей. Получается, что Нуварра блокирует наши поставки в Россию. А лишённая снабжения и пополнений армия – уже не армия, а будущие военнопленные...

– Ясно.

Снова воцарилась тишина. Языки пламени играли причудливыми огоньками на стенах зала, высеченного глубоко в пещере.

– Итак, господа, я готов выслушать ваши предложения завтра в это же время.

Председатель встал. Пламя очага ярко вспыхнуло, ослепив всех присутствующих. Когда же зрение восстановилось, Первого не было.

– Володя, зайди к нам, пожалуйста.

Голос, прозвучавший в мембране рации, как-то не вызвал желания протянуть лишнюю пару минут с визитом. Вздыхнув, Звонарёв отложил в сторону очередной документ, доставленный ему разведчиками, поднялся и, заперев свой кабинет, вышел из здания вокзала, так и оставшегося его резиденцией. Сев на мотоцикл, кроссовый Zongshen ZS250GY-3, привычно проконтролировал стандартный тест, воткнул первую передачу из шести, затем выкрутил ручку газа до упора и, бросив сцепление и выпустив шлейф гравия из-под заднего колеса, рванул по главной улице. Впрочем, эффектно тронувшись, Владимир тут же сбросил скорость до двадцати километров в час. Тем более ехать было всего ничего, а улица заполнена народом и транспортом. Наряду с грузовиками и джипами нуваррцев – телеги, фургоны, повозки. Конные и ручные. Пустые и заваленные до отказа грузом. Но главное – лица. Спокойные, довольные и – сытые. Ну, или отъедающиеся. Во всяком случае, такого, что Звонарёв застал при появлении в Гарове, уже не было. Нуваррцу махали руками, кое-кто с достоинством снимал шляпу, отпуская короткий поклон. Он едва успевал отвечать. Наконец затормозил возле крыльца управы, заглушил двигатель, поставил мотоцикл на подножку. Вытащил из-под погона кепку, надел.

– Костя, ты не в курсе, по какому поводу меня вытащили? Работы по горло...

Часовой молча кивнул в сторону. Повернув голову, Звонарёв замер от удивления – большой и, судя по всему, довольно мощный легковой авто. По дизайну – начала двадцатых. В то время как всё, что он видел раньше, относилось к началу двадцатого века Земли. Золотистое покрытие начищенных фар, довольно широкие гуттаперчевые шины, сияющий лаком обтекаемый кузов. В сердце шевельнулось нехорошее предчувствие. Собравшись, решительно шагнул на крыльцо. Дежурный по штабу сразу повёл его в кабинет начальства. К удивлению Владимира, кроме обоих майоров там находилось ещё трое абсолютно незнакомых ему людей в типичной для русийцев обеспеченных слоев одежде.

Едва лейтенант перешагнул порог кабинета, как Рублёв махнул ему рукой, подзывая к себе:

– Быстро ты, Володя. Давай сюда. Тут, похоже, послы прибыли. Из Океании.

– Что?!

Он дёрнулся к кобуре, но майор успел ухватить его за запястье:

– Остынь. Они – парламентарёры. Расстрелять или повесить всегда успеем. Надо их хотя бы выслушать.

– И что я им скажу?

– Наши говорят, что они по-русийски к ним обращались.

– Да? Нью-ню...

– Хватит. – Рублёв надавил на его плечо: – Садись и задавай вопросы. По стандартной схеме. Кто, зачем, откуда. Понял?

– Сделаем. – Володя уселся за стол, машинально включил кинокамеру, установленную там, и задал первый вопрос: – Кто вы?

При звуках русской речи троица облегчённо вздохнула, вскинув головы, затем старший из них, одетый более изысканно, чем остальные, заговорил:

– Я – чрезвычайный и полномочный представитель правительства Океании Герц Ансуш. А это мои сопровождающие: мой извозчик Арт Антор и моя секретарша Гера Анрун.

Ответил чётко, тщательно выговаривая слова, и только на конкретно поставленный вопрос, что отметили все офицеры. Владимир практически синхронно перевёл. Следующий вопрос:

– Цель вашего визита?

– Мы уполномочены договориться о мирных переговорах между нашей страной и Нуваррой.

После переведённой фразы люди переглянулись. Рублёв, подумав, решил, как старший: – Скажи им, что зато мы не уполномочены решать такой вопрос. Но обещаем сообщить о его предложении нашему правительству.

Выслушав его слова, посол спокойно ответил:

– Как долго нам придётся ожидать ответа?

– Завтра до полудня он будет дан.

Словно невзначай, океанец заметил:

– Телеграф, как я понимаю?

– Вас это не касается.

– Хорошо. Не будем ссориться. Но у нас есть одна просьба.

Рублёв кивнул после перевода:

– Пусть говорят.

– Мы хотели бы дождаться ответа здесь, в Гарове. Где бы мы могли остановиться на ночь?

Офицеры опять переглянулись, потом Ковалёв нехотя ответил:

– Володя, у тебя вроде места есть на вокзале...

Звонарёв едва не выругался вслух, но кивнул в знак согласия.

– Ладно. Найду им комнату.

– Не забудь поставить прослушку и видеонаблюдение.

– Само собой. Тогда я их забираю.

Старшие офицеры кивнули, лейтенант встал:

– Следуйте за мной. Я покажу, где вы можете переночевать.

Дождавшись, пока те поднимутся, посмотрел на камеру, потом на командиров, но Рублёв также взглядом дал понять, что та останется, и Звонарёв вышел из комнаты. Океанцы последовали за ним, коротко поклонившись на прощание. Оставшись одни, офицеры подключили видео к компьютеру:

– Ну а теперь давай глянем по-нормальному...

Внимательно, едва ли не пок кадрово просмотрев запись, Ковалёв обернулся к Рублёву, столь же сосредоточенно не отрывавшемуся от экрана.

– Что скажешь, друже?

– Немного. Посол – ширма. Настоящий посланец, как ни странно, она. – Ткнул пальцем в застывший стоп-кадр с океанкой.

Григорий кивнул в знак согласия.

– Остаётся водитель. Смотри. – Отмотал запись назад, вывел крупное изображение шофёра. – На глаза глянь.

– О, чёрт! Петя, он – лингвист-аналитик! Даю клык, что сейчас этот кадр тщательнейшим образом запишет на бумаге всю нашу беседу, прозвучавшую здесь, и станет пытаться расколоть нашу речь.

– Согласен. Интересные кадры к нам явились. Очень интересные... Так кто посол?

– Боевик-охранник.

Согласный кивок в ответ.

– Лейтенанту скажем?

– Не стоит. Вдруг сорвётся? Тут кадры опытнейшие, не чета молодому парню. Раскусят только так.

– Но всё равно, скажи, пусть держит ухо востро и... пусть усилит охрану. Вполне возможно, что наши гости попытаются ночью выбраться наружу и прогуляться по городу.

– Сделаю.

Пискнул вызов по рации:

– Гости прибыли к вокзалу. Пока всё в норме.

– Отлично. Звонарёв со своей «мартышки» слез?

Майор недолюбливал мотоциклы, обзывая их обидно либо «макаками», либо «мартышками».

– Да.

Рука офицера потянулась к передатчику.

– Володя, удвой наряд.

– Понял.

– Аккуратно там. Гости непростые.

– Я это понял.

Оба офицера переглянулись.

– Ладно. Они на тебе.

Отключились. Снова посмотрели друг на друга:

– Ну, пошли докладывать наверх?

– Придётся... Дело слишком серьёзное.

...Владимир распахнул двери одной из комнат:

– Прошу. Здесь вы можете переночевать.

Лицо посла скривилось в презрительной гримасе.

– Убожество. Вы могли бы нас поселить в гостинице... Там, по крайней мере, есть хоть какие-то удобства.

– Удобства есть и здесь. Туалет – в конце коридора. Душ – там. – Он показал на дверь со значком умывальника.

– А что насчёт ужина? – снова вылез океанец.

– Будет. Принесут.

– Можно сделать заказ?

– Какой заказ? Что дадут, то и будете есть.

– Молодой человек, мы всё же требуем относиться к нам с уважением! В конце концов, мы – дипломатическая миссия...

– Заткнись, пока живой. Будь моя воля, ты уже давно украшал бы главный городской фонарь. Водила составлял бы тебе компанию. Ну а твою девочку пустили бы по кругу.

– Что?! – Девчонка сорвалась с места и с размаху влепила офицеру пощёчину.

Звонарёв от неожиданности опешил, но это помогло ему опомниться. Коротко поклонился:

– Благодарю вас, госпожа Анрун. – И снова повернулся к послу: – Не нравится, можете спать в своей машине. Но покидать её или этот этаж не рекомендую. Иначе я не гарантирую

вам жизнь. – Чуть ухмыльнулся самой грязной своей улыбкой, глядя на океанку: – А вам – сохранения чести, госпожа Анрун.

На этот раз она сдержалась. Шагнула вперёд и замерла на пороге. Что-то произнесла, обращаясь к послу. Тот тут же перевёл:

– Нам выделена одна комната?! Но среди нас женщина! Как она может ночевать в одной комнате с мужчинами?

Действительно. По их обычаям, это слишком... Впрочем, ладно. Заодно и развлечёмся... Снова ухмыляясь, только на этот раз про себя, шагнул чуть дальше по коридору, через дверь, открыл другое помещение:

– Дама может ночевать здесь.

Посол перевёл, девушка медленно приблизилась, заглянула через плечо Владимира. Удовлетворённо кивнула. Что-то прошептала. Затем нырнула внутрь, захлопнув за собой дверь.

– Всё, господа. Можете пока отдыхать. Ужин вам принесут, остальное вы знаете.

– Одну минутку... – остановил его посол. – Мы хотели бы забрать свои вещи из машины. Переодеться, привести себя в порядок... Арт может сходить с вами и принести их наверх.

– Хорошо. Идём.

Глава 6

Метрополия ответила быстро. Практически сразу. Сделав краткий доклад и перегнав файл с записью встречи, Рублёв остался ждать указаний, а Ковалёв отправился к зданию вокзала. Он явился как раз в то время, когда молодой лейтенант и сопровождающий его водитель океанцев подошли к автомашине дипломатов и начали извлекать оттуда чемоданы и кофры. Против ожидания, те оказались самыми обычными. Подойдя ближе, майор сделал упреждающий знак офицеру – молчи. Дальше разговор шёл знаками. Пока только одним – молчи. Хвала богам, Звонарёв понял всё правильно. Молча дождался, пока океанец навьючит себя грузом, потом отвёл его внутрь здания. Рублёв просто ждал на улице. Наконец лейтенант вернулся, выдернул из кармана сигарету, закурил.

– Что?

– А, достали... – Владимир зло махнул рукой. – То дамочке отдельные апартаменты выдели – мол, незамужняя дама в одной комнате с мужчинами не может находиться. То им ужин в ресторане закажи. Словом, пытаются вывести из себя. – Затем усмехнулся: – Вот и посмотрим, у кого нервы крепче.

Рублёв с любопытством посмотрел на оскалившегося в очень неприятной улыбке подчинённого.

– Знаю тебя: может, скажешь, что ты им за сюрприз устроил?

Звонарёв снова махнул рукой:

– Да ничего особого. Мужиков запихнул в обычную гостевую с полным комплектом аппаратуры. А вот дамочка... – Снова злое ухмылка. – Там внизу Власыч, наш инженер, устроил распиловочную. А сегодня поступил большой заказ с аэродрома на щиты, что на землю будут класть в распутицу. В общем, спать ей вряд ли придётся.

Майор усмехнулся:

– А твои бойцы? Им что, отдыхать не надо?

В ответ последовала каверзная улыбка.

– А бойцы сейчас спят. Их очередь в наряд по городу заступать. Так что сегодня в расположении только внутренний наряд и будет. А им спать на посту не положено.

– Хм... А сам?

Владимир хитро прищурился:

– Я сегодня в гостях ночую. Меня командир аэродрома на день рождения пригласил. Со всеми вытекающими...

Не выдержав, Рублёв рассмеялся – всё складывалось лучше, чем даже он планировал. Отсмеявшись, майор вновь стал серьёзным:

– Значит, слушай внимательно, Вова. Первое: твой дипломат...

– Почему это мой? – обиделся офицер.

– Так, к слову пришлось. Короче, мы тут просмотрели запись разговора... В общем, главный в их троице – дамочка. Якобы дипломат – охранник, силовик. Ну а водила самый интересный из всех: ходячий диктофон. Понял?

– Это что? Получается, дядя всё запоминает, что при нём сказано? – удивился Владимир и поразился согласному кивку командира. Почесал в затылке: – Хреново...

– Угу, – согласился майор и спросил: – Как ты их устроил? Не выберутся втихаря в город?

– Это сложно. Все двери заперты, кроме их комнат, душа и санузла. На окнах везде внешние решётки. Вход на этаж – тоже за решёткой.

– Пол или потолок не разберут?

– Сразу будет видно. И вряд ли они рискнут. Так что, думаю, всё обойдётся. Но часовым дам команду быть настороже и не общаться с океанцами ни по какому поводу. Пусть хоть сдыхают на их глазах, не подходить и не разговаривать.

– Правильно, – кивнул Рублёв. – Когда на гулянку?

Звонарёв усмехнулся:

– А вот развод проведу и двину.

Пискнула рация. Майор сделал жест, отошёл в сторону, выслушал, затем вернулся к молодому человеку:

– Отпраздновать вряд ли сегодня получится, Володя...

– Это почему? – неприятно удивился тот.

Рублёв вздохнул:

– Пришёл приказ из Метрополии: срочно доставить дамочку к ним. Там согласны, что именно она и является главным дипломатом.

– А остальных?

– Пинка под зад, и пусть мотают. Прямо сейчас.

– Хм. Ладно. Но при чём тут я?

– Так ты её и повезёшь. Сейчас на аэродром, оттуда на самолёте до промежуточной базы. Пересадка, и дальше.

Владимир вздохнул:

– Разрешите выполнять?

– Действуй.

Лейтенант отдал честь и шагнул к деревянному зданию вокзала...

– Где Гера Анрун? – Он едва не выбил двери в комнату, куда поселил мужчин, когда не обнаружил океанку у себя.

Оба иностранца вздрогнули от неожиданности, и лжепосол ответил:

– Она собиралась в душ. А в чём дело?

Водитель напрягся, и это не ускользнуло от взгляда лейтенанта.

– Пришёл ответ на ваше предложение.

– И?..

– Вас двоих касается лишь одно: у вас пять минут, чтобы собраться, и десять, чтобы покинуть город.

– Что?!

Но дверь уже с треском захлопнулась. Владимир в два прыжка преодолел расстояние до душевой и остановился возле входа. Шума воды слышно не было. Чуть нажал на дверь – увы. Та оказалась заперта изнутри на задвижку. Ухмыльнулся – тем хуже. Поймаю на месте преступления. Удара раскрытой ладонью оказалось достаточно, чтобы защёлка отлетела, стукнувшись о пол с жалобным звоном. По глазам резануло голым телом, а по ушам – диким визгом. Не обращая внимания на кричащую девушку, инстинктивно присевшую на корточки и прикрывающуюся руками, внимательно осмотрел душевую – вроде всё как и было, за исключением стандартного стула, на котором была аккуратно сложена женская одежда. Но стул сюда попал явно из её комнаты. Шагнул ближе, что усилило крик на несколько децибел, выдернул из-под кучи тряпок платье, набросил ей на голову:

– Одевайся. И не строй из себя дурочку: я прекрасно знаю, что ты меня понимаешь. Иначе я не получил бы пощёчину.

Крик прервался. Платье шевельнулось, потом чуть сползло, и показалось злое, даже разъярённое лицо. Владимир усмехнулся:

– Я тебя жду. Там. – Показал рукой на выход. – Поторопись. – Развернулся, вышел из душевой.

– Э... офицер... – выскочил из комнаты якобы посол и замер, столкнувшись со взглядом выходящей из душевой Геры с распущенными волосами.

Она зло бросила длинную фразу на океанском. Герц словно ударился о стену. Коротко поклонился, затем вернулся к себе и спустя мгновение появился оттуда с водителем и небольшим чемоданчиком. Снова поклонился, поставил саквояж перед Звонарёвым:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.